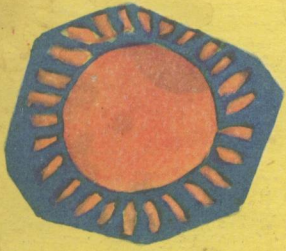

Колосёк
6
ИЮНЬ
1966

„МАНИФЕСТАЦИЯ ЗА МИР“ акварель Алмэшан Петре Румынская Народная республика

„ЦИРК“ линогравюра Клеменс Ворл Германская Демократическая республика

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Ты приходи к нам, приходи!

повесть В. ГОЛЯВКИНА 2

Киргизский дневник

путевые записки В. БАХРЕВСКОГО 16

Стихотворения

Миры АЛЕЧКОВИЧ 19

На радость мистеру Лорингу

очерк Г. АЛЕКСАНДРОВИЧА 20

Неразгаданные загадки

беседа Н. СЛАДКОВА 22

Даниэль Дегрен в Берлине

отрывок из повести В. ДМИТРЕВСКОГО 25

Добрая раковина

сказка С. ВОРОНИНА 36

Клуб Жака Паганеля 38

Стол загадок 41

Стихотворения

СЕМЕНА КОГАНА 41

Шесть дней в „Алтае“

репортаж С. ГУРЕВИЧ 42

Остров дельфинов

научно-фантастическая повесть АРТУРА КЛАРКА 45

Что? Где? Когда? Почему?

заметки, фото, рисунки 50

Капризы магнитной стрелки

очерк Э. НОВИКОВА 52

Марш следопытов

музыка С. ПОЖЛАКОВА, слова В. УФЛЯНДА 54

Уголён

журнал для малышей 57

Школа „Спринт“ 59

Врачи на старте

интервью с врачом Г. П. ВОРОБЬЕВЫМ 60

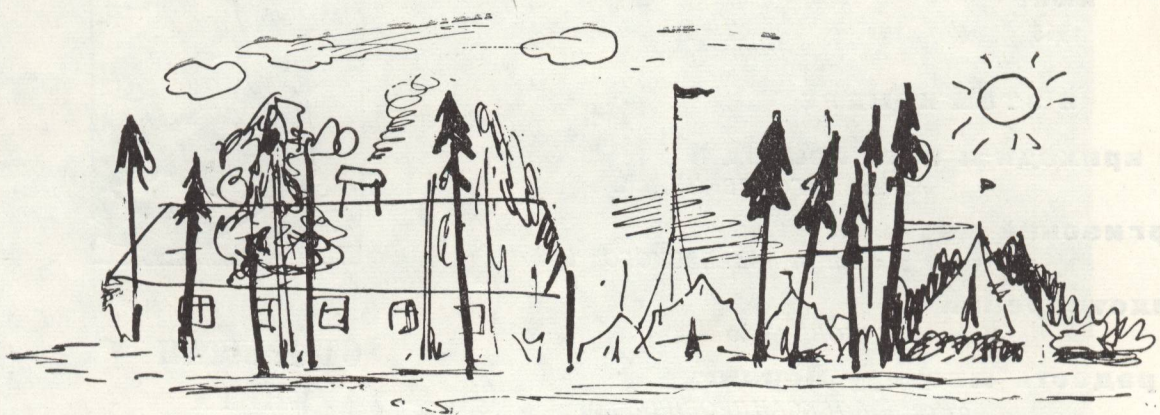
Уголок веселого архивариуса 63

**ОТКРЫТАЯ
КНИГА**

Н. Слепакова

«Ушел зеленый поезд
в зеленые края...»
Вот так начнется повесть
зеленая моя.

А дальше в этой книге
совсем не будет слов:
страничка для черники,
страничка для грибов.
Пройдет по книге речка,
и где-нибудь с боков
я отведу местечко
для грустных рыбаков,
а вместо примечания
речного дам журчания,
рыбачьего ворчания
и рыбьего молчания.
По книге будет можно
дорогу протянуть
и железнодорожно
по ней пуститься в путь.
Такая будет книга —
с палаточным ночлегом,
такая будет книга —
с картошкой и с хлебом,
такая будет книга —
с высоким синим небом
и с целою главой
шуршащей, дождевой.
Не будет в ней вступления,
не будет заключения
а будет в ней купание,
гуляние и пение,
и в ней — скажу заранее, —
случатся приключения!
(Герои приключения —
вы все, без исключения.)
Все вместе эту книгу
мы сделаем, напишем,
набегаем, насмотрим,
потрогаем, услышим!
Раскрыта книга эта.
Въезжай в нее, входи!
Название книги — «Лето»,
и лето — впереди!

ТЫ ПРИХОДИ К НАМ, ПРИХОДИ!

ПОВЕСТЬ

Виктор Голявкин

Рисунки автора

ВЕЧЕР

Блестит озеро.
Солнце ушло за деревья.
Спокойно стоят камыши.
Все озеро в черных черточках. Это лодки,
а в них рыбаки.
Бегут к дороге телята, становятся в ряд и
смотрят на нас.
Сидят две собаки и смотрят на нас.
Бегут к нам вприпрыжку мальчишки.
Грузовик наш поднял много пыли, и она
оседает постепенно.
Я вижу деревню, лес, озеро.
Из дома выходит хозяин с бородкой, в стар-
рой морской фуражке.
— Здравия желаем жильцам, — говорит
он, — вечерок что надо, рыбка ловится, ветра
нет, понюхайте-ка воздух, понюхайте... — он
громко нюхает воздух. Трясет всем нам руки.

— Пыли много, — говорит мама, — ужасно
много пыли.
— Так это ваша пыль и есть, — говорит хо-
зяин.
— Дорога у вас пыльная, — говорит мама.
— А воздух-то какой!
Все больше и больше темнеет.
Наш дом — верхние комнаты.
Мы с мамой несем наши вещи.
Я поднимаюсь по лестнице и все время ню-
хаю воздух.
— Жаль, что отцу не дали отпуск, — гово-
рит мама.
— Такой воздух! — говорю я.
Мы с мамой стоим в новой комнате.
— Вот здесь мы будет жить лето, — говорит
мама.

УТРО

Я умывался под лестницей из умывальника,
а хозяин Матвей Савельич стоял рядом со
мною:
— Лей, лей! Всем хватит воды, а не хватит,
вон из колодца еще возьмите, в чем дело!
Я всюлил.
— ...Ну, как? Хорошо? Мойся, мойся! Вода

хороша! У меня колодец очень хороший. Сам
рыл. Сам копал. Только у Ямщиковых такой
колодец да у меня. А у других это разве ко-
лодцы?
— А что у других?
— А ты погляди.
— Схожу погляжу...

— И сходи. И мамашу возьми.

...А какое было утро!

Солнце поднималось из-за озера. И опять все озеро было в черточках. А посреди озера серебристая полоса. От солнца. Деревья слегка покачивались, и полоса на озере станови-

лась извилистой. Совсем рядом заиграл пионерский горн.

— У кого вода, а у кого бурда, — сказал Матвей Савельич.

Я вышел за калитку.

ЗА КАЛИТКОЙ

За калиткой стоял малыш и плакал. А рядом с ним стояла бабушка.

Малыш повторял:

— Я хочу черпалку!

— Нету черпалки, — отвечала бабушка.

— Давай черпалку! — орал малыш.

— И что это за черпалка такая? — спросил я.

Малыш посмотрел на меня и сказал:

— Давай черпалку!

— Неужели ты не видишь, Мишенька, что у него нет черпалки? — сказала бабушка.

Он опять посмотрел на меня.

Я показал ему руки — вот, мол, нет у меня черпалки.

Он замолчал. Потом крикнул:

— Давай черпалку!

— Господи, — вздохнула бабушка, — чуть свет зарядил. Возьми я ему и скажи: «Куплю я тебе, Мишенька, черпалку, если ты курицу съешь». А что это за черпалка такая, и сама не знаю. Просто так сказала ему, чтоб он курицу съел. Вроде бы в какой-то сказке я ему про эту черпалку читала. Ну, он курицу съел и сейчас же говорит: «Давай теперь черпалку!» А откуда я ее возьму? И что это за оказия такая, и что это за диковина такая, эта самая черпалка... И лодки ему показываю, и дровишки, и шишки, и чего только я

ему ни показываю, а он знай «черпалку» твердит...

Я говорю:

— Где-то видел я, продавали в магазине игрушечную землечерпалку. Шесть рублей, кажется, стоит. Вот бы такую землечерпалку купить ему за то, что он курицу съел...

Бабушка обрадовалась и говорит:

— Нужно отцу сказать, чтобы он купил ему черпалку, спасибо тебе большое, не знаю даже, как и благодарить...

— Да что вы, — говорю, — пустяки какие, я просто видел эту черпалку, если не ошибаюсь, на Литейном проспекте в одной витрине какого-то детского магазина, любопытная, думаю, штука была бы для малышей. Я-то сам из этого возраста вышел...

— Непременно отцу скажу, — говорит бабушка, — непременно отцу доложу про это мое спасение... сыну-то он своему не пожалеет, а меня спасет от этого форменного мучения. Заходи к нам, мы вон напротив, спасибо тебе, сынок...

Она ушла довольная, а я стал думать, с кем бы мне еще познакомиться. Вот ведь сейчас с ними познакомился...

Походил по деревне.

Ходил, ходил, зашел домой, позавтракал и опять за калитку вышел.

НА ОЗЕРЕ

Орал малыш. Просил черпалку.

Если он так все время будет черпалку просить, с ума сойти можно. Как они терпят, купили бы ему какую-нибудь черпалку или во все бы ему не обещали...

Я спускался к озеру, и малыша уже не было слышно.

Пили воду коровы.

Мне стало скучно.

Неужели вот так я и буду ходить каждый день по деревне да вдоль озера, а дальше что? Конечно, я могу купаться, кто-нибудь меня на лодке покатает, и рыбу лови себе, пожалуйста, сколько хочешь, все это так. Но

должны же быть у меня какие-то друзья, приятели, не могу же я без них...

Но где их взять?

Не могу же я их вот так, сразу, взять и найти.

Вдруг я этого мальчишку увидел и ужасно обрадовался. Он стоял в камышах, и сначала я не понял, чего это он там стоит, а потом понял, что он там рыбу ловит.

Удочка у него была длиннющая, я сначала удочку увидел, а потом его.

Я сел на траву и смотрю. При мне он две рыбы поймал. Никак я сначала не мог понять, куда он их кладет, а потом понял — он их за пазуху кладет!

Он поймал третью рыбу — и тоже за пазуху. Я сейчас же представил себе, сколько у него за пазухой этих рыб, как они там прыгают и шекочут ему живот.

Я сидел и ждал, когда он кончит ловить, выйдет из своих камышей и покажет мне рыб.

Но он все ловил.

Я окликнул его.

Нет, он не слышал меня или он не хотел меня слышать. Он стоял ко мне боком, и я видел его оттопыренную майку с рыбами, его какое-то суровое лицо в веснушках, и опять стало мне скучно.

Он так был занят своей рыбой!

Он, наверное, весь день может так стоять в воде с этой удочкой, не видя ничего, не слыша...

Пробежали ребята с мячом.

Я бы за ними с удовольствием побежал, да только что они подумают, если я вдруг за ними побегу?

Я встал. Пошел вдоль берега.

А этот! Тоже мне! Рыбак! Я бы никогда не стал за пазуху рыб запихивать. Разве настоящий рыбак за пазуху рыб запихивает? А еще не отвечает!

В ЛЕСУ

Я свернул в лес.

Как вдруг из-за дерева выскакивает мальчишка, хватая меня за рукав и кричит:

— Все!

Я сначала немножко испугался, странно все-таки. А потом ничего, вижу, стоит он и дышит тяжело, словно бежал долго.

— Ты чего, — говорю, — до меня дотрагиваешься?

— А кто ты такой, — говорит, — что до тебя дотрагиваться нельзя?

— А ты кто такой? — спрашиваю.

— Да ты кто, сумасшедший или кто? — это он мне говорит!

— Это ты, — говорю, — сумасшедший, по всему видно, ни с того ни с сего вдруг выскакивает, дотрагивается...

— Ишь ты какой! — говорит. — А как же я с тебя погоны буду срывать? Или у тебя их уже сорвали?

— Какие погоны? — Что если и вправду он из какого-нибудь сумасшедшего дома сбежал? Возьмет да укусит, да мало ли что...

А он орет:

— Да ты что, с луны свалился?

— Кто из нас с луны свалился, это еще неизвестно, скорей всего, это ты с луны свалился...

Он хлопнул в ладоши, подпрыгнул и как заорет:

— Ха! Вот фрукт!

Ну, думаю, не иначе. Вылитый сумасшедший. Вижу, у него на плечах по листику. Нормальный человек, сами понимаете, ни с того ни с сего не будет себе на плечи листики цеплять... Как бы от него спокойненько уйти, раз такое дело...

А он:

— Ты скажи, я тебя запятнал? Не будешь потом говорить, что я тебя не запятнал?

— Чего? — говорю.

Он опять хлопнул в ладоши, подпрыгнул и как заорет:

— Ха! Вот фрукт!

Я хотел убежать. Я все время от него отодвигался, а он все придвигался. Мне даже страшно стало. Тем более, он повторял:

— Не говори потом, что я тебя не запятнал...

Я все думал, как бы сбежать, но тут вдруг выскакивает еще несколько таких же сумасшедших, а этот сумасшедший орет:

— Хватай его, ребята!

Эти новые сумасшедшие остановились, а один говорит:

— Да это не наш, ребята!

Не хватает, думаю, еще вашим быть. Этого еще не доставало! Но в то же время, если они меня своим не признают, мало ли что им в голову придет... хотели же они меня хватать...

Один говорит:

— В том-то и дело, что не наш. Был бы наш, так незачем было бы его хватать!

Я перепугался и говорю:

— Я ваш, ребята...

Один из сумасшедших говорит:

— Смотрите, ребята, чтоб не сбежал, вон он как дурака валяет...

Тот, первый сумасшедший, говорит:

— А если ты наш, так чего же ты тогда сразу не сказал?

— А вы, — говорю, — меня не спрашивали, — я и не сказал. Я никогда ничего не говорю, если меня не спрашивают. У меня привычка такая... Когда меня в классе не спрашивают...

Один из них говорит:

— Ты брось нам тут про свой класс рассказывать, ты нам лучше скажи — белый ты или синий?

Другой говорит:

— Да что вы, ребята, не видите, он не из нашего лагеря, у него даже погон нету!

Тот, первый сумасшедший, говорит:

— Как не из нашего? Ты не из лагеря?

— Из какого лагеря?

— Из пионерского, — говорит, — из какого же еще!

Тут только я догадался, что это игра у них идет, и они меня за противника приняли. Они тоже поняли, что недоразумение произошло, и мы стали смеяться.

Мой первый знакомый говорит:

— Я его запялтал, а он огрызается, чего бы это, думаю, он огрызается, нечестно играет... а он, оказывается, вовсе не играет...

— А я-то думал, вы сумасшедшие, — говорю.

Им это не понравилось, и они смеяться перестали.

— Сейчас-то я не думаю, — говорю, — это я сначала подумал.

Опять стали смеяться, рассуждать по этому поводу, какие сумасшедшие бывают и прочее, а мой первый знакомый говорит:

— Ты извини меня, что так все получилось, давай-ка познакомимся, меня Санькой звать.

— Давай, — говорю, — познакомимся, меня Лялькой звать...

— Это ты правда или шутишь?

— Имя это, конечно, девчоночье, — говорю, — я знаю, и ты тоже знаешь, да и все знают, только я же не виноват, что родители меня Лялькой называли...

Они все сочувственно молчали и кивали головами, будто со мной какое-нибудь несчастье произошло, а я продолжал:

— ...мама моя пошла и назвала меня Русланом, а отец как услышал, стал скандалить, он меня Сашей хотел назвать, в честь своего брата, героя гражданской войны. Не потерплю, говорит, чтобы моего сына таким именем звали, не хватает еще, чтобы его Рогдаем называли... Мама ему говорит, что это имя старинное, былинное, так отец совсем разошелся: какие-то допотопные имена, говорит, никакой современности и далеки от революции, в таком случае, как был он у нас Лялькой, так пусть лучше Лялькой и останется, так я и остался... Санька говорит:

— Ерунда, подумаешь! Ничего в этом страшного, я считаю, нет. Хуже, когда вырастешь. К примеру, станешь маршалом... как же тут можно Лялькой называться — ума не приложу...

— Да я, может, маршалом и не буду... — говорю.

— Да ты не расстраивайся, — говорят ребята, — нервы не трепли из-за этого.

Один говорит:

— Если каждый будет маршалом, тогда у нас одни только маршалы будут по улицам ходить... не так-то это просто...

Но в общем они все ко мне очень сочувственно отнеслись.

Только один, с таким длиннющим носом, говорит:

— Здорово он все-таки треплется, этот парнишка, язык у него как мельница, даже родственника своего, героя успел приплести...

В это время в лесу раздались звуки какой-то дудочки, и все побежали на этот звук, только Санька остался.

— Да ну ее к черту, — говорит, — эту войну, если бы настоящая война была, а то игра...

Мы с ним медленно пошли, и он сказал:

— Давай я тебя Валькой буду звать. Две буквы отбросим. И все. А на место их другие поставим. Совершенно другое имя будет. Какое значение имеют какие-то две буквы!

Я согласился, что две буквы, действительно, никакого значения не имеют, и даже обрадовался, что так все вышло. У меня с моим именем всегда какие-то насмешки и неприятности получались. Каждому на свете нужно было рассказывать и объяснять, как это меня девчоночьим именем называли. Вот вам, пожалуйста, трепачом меня называли, совершенно ни за что ни про что!.. И как это никто не догадался раньше меня Валькой звать. Отпали бы сразу все эти громадные сложности. Не нужно было бы никому ничего объяснять и рассказывать. Всего ведь только две первые буквы отнять и две другие приставить...

Какая у него все-таки замечательная голова, честное слово!

Конечно, и я бы мог придумать такое, и мои родители, но ни я, ни мои родители ведь этого не придумали!

Мы немного прошли, Санька засмеялся и говорит:

— С этими именами много всякой чепухи происходит. Помню такую историю. Ох и история! Представь себе, в нашем дворе — рыжий Санька, я — Санька и Копылов. Три Саньки. А двор один. Например, я зову Саньку рыжего, а Копылов откликается. Или меня зовут Санька рыжий, а я думаю, Копылова зовут. Один раз я назвал Саньку рыжего — Рыжим. Чтоб он знал, что его зовут, а не другого. Так рыжий Санька обиделся. И Копылова нельзя Копыловым звать. Обижается тоже. Для чего же тогда, говорит, я Санька? Не для того, чтобы меня Копыловым звали. А для того, чтоб меня Санькой звали...

— Ну и чего же вы сделали? — спрашиваю.

— А ничего не сделали, — говорит Санька, — так и жили...

КОЧЕРЫЖКИ

— Мы только недавно прибыли, — рассказывал Санька по дороге, — так что не всех пока знаем, вот я тебя и поймал...

— Вот и хорошо, что поймал, — говорю.

Я был рад, что он меня поймал, как-никак, все-таки нашел себе приятеля, а что он сначала напугал меня, так про это я и забыл.

Мы подошли с ним к воротам лагеря, и он меня слегка подтолкнул, чтобы я, значит, не стеснялся, он мне перед этим сказал, что начальник лагеря «на войне», и старшая пионервожатая тоже, так что бояться некого.

Я хотел пройти в ворота, но часовые своими палками, на концах которых были флажки, загородили дорогу.

Санька как закричит на них:

— Да вы что, своего не признали? Зачем вас только сюда поставили — непонятно!

Они только руками развели и посторонились.

Вот это Санька! Ловко нашелся, ничего не скажешь!

— Я же тебе говорил, — сказал Санька, — что тут еще никто толком друг друга не знает. Так что можешь быть спокойным на этот счет. Денька через два, конечно, сложнее будет. А сейчас... — он присвистнул, — шагай за мной!

— И обедать можно, никто не узнает? — спросил я.

— Тут сложнее, — сказал он, — а ты что, есть, что ли, захотел?

— Да нет. Я просто так...

— Да брось ты стесняться, шагай за мной!

Я все его уверял, что ел недавно, а он меня и слушать не хотел.

Я возле кухни остался, а он прямо в кухню пошел. Выходит вместе с поваром, а в руке у него капуста кочерыжка.

— Погрызи, — говорит, — чтоб голодным не ходить.

— Да вовсе я не голодный, — говорю.

— Да ты грызи, чего ты ломаешься, — и сует мне эту кочерыжку. Да я ее и вправду не хотел.

— Грызи, грызи, — говорит повар, — а мало будет, за новой кочерыжкой приходи.

Санька радостно говорит:

— У них там кочерыжек видимо-невидимо!

И к повару обращается:

— Новенький, понимаете, только что прибыл, запоздал маленько, а есть хочется ребенку, — и мне моргает, чтобы я молчал.

— Ишь ты, — говорит повар, — может, котлету тебе вынести?

Повар пошел за котлетой, а я ему вслед закричал, что никакой котлеты мне не надо, но он все-таки вынес мне хлеб с котлетой и ушел, потому что у него каша подгорала.

— Знакомый? — спросил я.

— А как же! Знакомый! Котлету ведь дал. Ты мне-то дай половину.

Я ему хотел все отдать, а он взял половину, откусил и говорит:

— Вкусная котлета!

Я тоже стал есть, и котлета мне тоже понравилась.

Он себе полный рот котлетой набил и говорит:

— Не наешься... пойдём... еще котлету попросим... нас двое, скажем, а котлету нам одну дали... Знаешь, я какую поговорку придумал: тот, кто много ест, никогда не пойдет на тот свет.

— Да ну тебя, не надо мне никаких котлет!

— Как это так не надо? Два человека одну котлету едят — это же форменное безобразие!

Я и оглянуться не успел, как он еще одну котлету притащил. Я никак не хотел у него половину брать, так он мне ее просто насильно всучил и все свою поговорку повторял.

— А за кочерыжками ты можешь всегда приходиться, — сказал Санька, дожевывая котлету.

— Не надо мне кочерыжек, — сказал я, — терпеть я не могу эти кочерыжки!

— Ну не надо, так не надо, — сказал Санька. Он вздохнул. — Я, понимаешь, никогда не знаю, когда я наелся, все ем, ем, пока живот, как мяч, не надуется.

Вышел повар с ведром кочерыжек.

— Может, вы стесняетесь, ребята, так вы, ребята, пожалуйста, не стесняйтесь, берите-ка, берите кочерыжки!

Я назад отступил и говорю:

— Нет, нет, мы не стесняемся...

— Вы там ребят созовите, пусть они за кочерыжками приходят, — сказал он.

— Война окончится, — сказал Санька, — они и заберут.

— Скорей бы она окончилась, — сказал повар, — а то кочерыжки тут зря пропадают.

Он ушел со своими кочерыжками, а мы пошли по лагерю — Саньке, как хозяину, хотелось мне весь лагерь показать.

— Если тебе кочерыжки нужны будут, так ты всегда можешь за ними приходиться, — сказал Санька.

— Не очень-то я люблю их, — сказал я.
— А я их люблю, — сказал Санька.

— Чего же ты у него все ведро не съел?

— Как же я столько съем?

— Зато никогда на тот свет не пошел бы, — сказал я.

— Я и так не пойду, — сказал он.

В ЛАГЕРЕ

Мы шли по лагерю, а Санька говорил:

— Как с людьми беседовать, я знаю. У меня на это есть талант, мне все говорят, что у меня есть талант с людьми беседовать. А у

— Это все родители придумали, — сказал я.

— А ты что, слова не имеешь? Взял бы и сказал: мол, так и так, пошлите, мол, меня в пионерский лагерь, не желаю, мол, я част-

ным образом жить, а хочу с коллективом... Они бы тебя с удовольствием послали, ты-то им, наверное, надоед со своими штучками?

— Какими штучками?

— Каждый ребенок разные штучки вытворяет, ты что, скажешь, ничего не вытворяешь?

Я не знал, что ему на это ответить, потому что я действительно кое-что вытворял.

— И родителям хорошо, и тебе хорошо.

— Если так хорошо, чего же тогда они меня не отправили?

— Да ты сам не видишь, что хорошо?

— Вижу.

— Голову надо иметь.

— Что же, мои родители головы не имеют?

— Да ты родителей не трогай! — сказал он. — Чего это ты своих родителей трогашь? Это ведь твои родители!

— Это ты трогашь, а не я!

Он подпрыгнул, хлопнул в ладоши и заорал:

— Ха! Вот фрукт!

— Чего это ты так со мной разговариваешь? — говорю.

— Это ты так со мной разговариваешь, это ты не умеешь с людьми разговаривать!

Я вспомнил, как он здорово с людьми разговаривал, и мне показалось, что это я во всем виноват.

— Да брось ты, Валька, — сказал он, — имя у тебя теперь новое, нервы тебе трепать

тебя этого таланта, по всей видимости, нет, так ты лучше помолчи, когда я с людьми беседую.

С людьми он, действительно, здорово беседовал.

— Лагерь у нас хороший, зря ты все-таки частным образом живешь...

теперь нечего и спорить со мной на эту тему тоже нечего, раз у меня на это есть самый настоящий талант...

— Ты просто моего отца не знаешь, — сказал я, — у него замечательная голова.

— А у меня нет отца, — сказал вдруг Санька.

— А мать?

— Тоже нет.

— С кем же ты тогда живешь?

— Я с тетей живу, — сказал он.

Мне как-то стало неловко, что я весь этот разговор об отце и матери затеял, тем более, он мою голову, наверное, в виду имел, а не отповскую.

Я больше ничего не спрашивал, и мы шли молча.

Мы зашли в пионерскую комнату, и Санька показал мне дневник отряда, где он написал:

«С десятого числа началась наша замечательная жизнь в лагере! Мы долго ждали, когда начнется эта замечательная жизнь, и вот нас привезли в автобусах, и она началась. Ура! Наступил этот день!...»

— Да хватит тебе читать, — сказал Санька, — пойдем лучше, я тебе другое покажу...

Он водил меня и все показывал.

В кружке «Умелые руки» стояли яхты, шверботы, игрушки, сделанные ребятами. Разные вышивки, сделанные девочками, разные полочки, выпиленные лобзиком. Там было много замечательных рисунков. И был круглый шарик, сделанный из дерева. Санька сказал, что этот шарик выточили из громадного куска дерева, и именно этим он интересен. Трудней всего, наверное, было сделать этот шарик. Такой гладкий, круглый, только вот никто не знает, что он из такого громадного куска дерева. Если бы Санька мне не сказал, я бы и не знал об этом. Какую-нибудь дощечку рядом с шариком прибили бы, а на дощечке написали бы, что этот шарик выточен из громадного куска дерева...

Там были стамески, лобзики, сверла, клещи, пилки — все эти инструменты были прикреплены к большим щитам, а под каждым инструментом — табличка с названием. У меня прямо глаза разбежались, глядя на эти инструменты.

И было там еще много разных диковинных вещей, даже куклы для кукольного театра. И этих кукол, оказалось, тоже сделали сами ребята.

— И чего это меня в лагерь не послали — понять не могу! — сказал я.

Я тут же испугался, что он опять про мою голову начнет распространяться, что во всем моя голова виновата, и говорю:

— Я не знал, а они не послали...

— А где твоя голова была? — говорит Санька.

— Нигде, — говорю, — не была, какое твое дело!

Он засмеялся и больше про мою голову не стал распространяться.

Мы с ним пошли в клуб. Он влез на сцену и крикнул:

— Представление начинается! — и начал так кривляться, прыгать и такие строить рожи, что я даже захолопал. Он поднял много пыли, но все продолжал плясать и строить рожи, пока не устал, а потом спрыгнул вниз и сказал:

— Наверное, я все-таки артистом буду...

Мы вышли на воздух.

А в лагерь входили «войска». Бил барабан. А впереди несли знамя.

И тут кто-то крикнул:

— Глядите! Хе-хе! Болтун-то в нашем лагере объявился!

И я увидел длинноносого. Который там, в лесу, сказал, что язык мой, как мельница, треплется...

Все разбежались по лагерю, а этот мальчишка ко мне подбежал.

— Растреплись, — говорит, — на свое усмотрение...

Не долго думая, схватил я его за рубашку, и он меня за рубашку схватил. И мы вместе покатились по траве.

Санька кинулся нас разнимать, но мы крепко друг другу в рубашки сцепились.

Кое-как нас разняли.

И вот мы стоим друг перед другом в своих разорванных рубашках, а вокруг нас почти весь лагерь стоит.

Какая-то девушка говорит:

— Чей это ребенок?

Все молчат.

Выясняется, что я тут совершенно ничей, и тогда она кричит:

— Как мог попасть сюда этот мальчик?

Все опять молчат, и тогда она уже тише говорит:

— Каким образом этот ребенок здесь?

Выходит вперед мой друг Санька, имеющий талант разговаривать с людьми, и говорит:

— Товарищ старшая пионервожатая! Это Валька. Это я привел его в наш лагерь. Что ж здесь такого?

— Как что такого? — возмущается вожатая. — По-твоему, здесь нет ничего такого? Пришел с улицы и еще дерется?!

Санька (здорово он все-таки умеет разговаривать с людьми!) спокойно ей отвечает:

— По-моему, ничего такого в этом нет. Тем более, его дразнили.

— А может быть, у него инфекция? — говорит вожатая.

— Нету у него инфекции, — говорит Санька.

— Откуда ты можешь знать, есть у него инфекция или нет?

— Я вижу, — говорит Санька.

— Ты ничего не видишь, — говорит вожатая, — у любого постороннего может быть инфекция!

Тогда я сказал:

— У меня нет никакой инфекции!

— Это еще неизвестно!

— А ты, — сказала вожатая Саньке, — всего лишь только отдыхающий пионер, а ведешь себя так, будто ты начальник лагеря.

И тут Санька, так здорово умеющий разговаривать с людьми, вдруг заплакал.

Появился начальник лагеря. Он посмотрел на мой вид, взял меня за руку и, ни слова не говоря, только хмурясь, вывел меня за ворота.

— Не пускайте сюда посторонних! — сказал он часовым.

НА БРЕВНАХ

Матвей Савельич увидел, что у меня такое неважное настроение, предложил мне на бревна сесть. И сам тоже сел на бревна, закурил и говорит:

— Место у нас хорошее... природа... воздух... озеро под боком...

— У вас в лагерь никого не пускают, что ли? — спрашиваю.

— Кого пускают, а кого нет, — говорит.

Он, видимо, плохо слышал, часто переспрашивал. А тут совсем не услышал.

— Лодка у меня была, — говорит, — так я ее продал... все думаю новую лодку сделать, да время никак не найду для этой лодки...

— Чего ж у вас лодки-то нет? У всех лодки есть, а у вас нет...

Я думал, у него лодка есть, думал, он меня на лодке покатает, рыбу, думал, половим, а у него нет...

— Так была же лодка, однажды ее ребяташки у меня украли, так я ее по всему озеру искал...

— И нашли?

— Нашел, да ну ее к лешему...

— Значит, вы рыбу теперь не ловите?

— Раньше ловил.

— А теперь почему не ловите?

— А на кой рыба нужна, кто ее чистить-то будет, коли хозяйки нет?

— Почему нет?

— Не женат.

— Почему?

— А войны?

— Чего войны?

— Чудак! Все же войны: первая немецкая, так? Революционная — два? А после финская, а после Отечественная...

— На войне убили?

— Кого?

— Жену.

— Фу ты! Как же ее убить-то могли, коли ее сроду не было. Поскольку войны были.

— А перерывы-то были?

— Перерывы-то? Ну были. А можно сказать, и не было. Не перерывы это, скажу я тебе, чтобы человек спокойно, обстоятельно жениться мог. Это, может, по книжкам там вашим были перерывы. А на самом-то деле не было.

— А как же другие женились?

— Кто другие?

— Отец мой, например, соседи...

— Соседи-то? А бог их знает...

— Да и не только они, — сказал я.

— Да много-то ты знаешь, — сказал он.

— Как же мне не знать! — сказал я.

— Умные все больно стали...

Он замолчал, все курил.

Наверх мне не хотелось подниматься. Есть тоже не хотелось. Я сидел.

— ...начал я себе помещение строить. Лес-то надо рубить? А рядом-то рубить не разрешалось. Сам рубил. Сам возил. А пни ломом корчевал... А потом, значит, ягоды: крыжовник, сморода, а теперь, значит, яблоки собираю... смороду собираю... крыжовник собираю...

— А вас в лагерь не пускают? — спросил я.

— ...если участок в культуру привести, в божеский вид привести, можно тебе все что угодно посадить, ведь так?

— Отчего же вы в то время не женились?

— Когда?

— Войны-то ведь не было.

— А участок-то надо было в божеский вид приводить? А был лес. Ничего и не было. А лес-то, он шишки одни дает. Вот теперь сколько я крыжовника снимаю? А? Много снимаю! А смородины сколько снимаю? Много! И яблоки, сам понимаешь, с каждого де-

рева снимаю... мамаша-то твоя, небось, собирается у меня яблочек купить?

— А чего же вы сейчас не женитесь?

Он не слышал меня.

— ...некоторые сами не садят, придет в сад колхозный, сучья обломает, аж до ульев доберется, это ж куда годится! Это кража, это хулиганство... это баловство! Почему каждому сад не посадить? Можно. А сучья ломать? Нет. Хулиганство! Дяденька посадил, а он, знай, ломай, бей! В культуру ведь надо приводить хозяйство свое! А он — нет, не надо. Нет, надо! Все надо! — он хлопнул кулаком по бревнам.

Я сказал ему про пионерский лагерь, почему все-таки так строго, туда никого не пускают, и насчет инфекции сказал, как меня вожатая обидела.

Он все головой кивал, да только про свое думал, потому что опять свое стал говорить:

— ...я тебе вот что открою... я бы, конечно, сейчас, может быть, и женился, да только помирить мне уже пора.

— Да что вы, — говорю, — что вы!

— Сколько мне лет-то, знаешь? — спросил он.

— Не знаю, — сказал я.

— Больно все умные стали, — сказал он, встал, пошел в сад проверять свои яблоки.

...Ни лодки у него нет, ни жены... одни только яблоки да ягоды. Скучно ему, наверное, одному в таком большом саду... А у Саньки отца нет и матери... Взять бы сейчас пробраться в лагерь, Саньку встретить — вот он обрадуется! Смелый все-таки поступок будет — человека выгнали, а он незаметно пробрался,

как разведчик, своего друга навестил. А дальше что будет? Поймают меня и больше ничего! Скандал будет — вот и все... Опять, скажут, этот инфекционный пришел. Какое они все-таки имеют право мне такие вещи говорить?! Вот сейчас возьму и пойду...

Никуда я не пошел.

О КОРОВАХ

В этот день я возле лагеря даже не появлялся.

Оскорбили человека, так нечего туда и ходить!

После обеда я опять к озеру пошел.

Смотрю, тот же мальчишка в камышах стоит как ни в чем не бывало. Неужели он с тех пор стоит?

Он сворачивал удочку, собирался уходить.

Когда он повернулся, я увидел, сколько у него за пазухой рыбы набито. Как будто огромный такой живот, он еле-еле шел. Одной рукой он майку возле тросов поддерживал, а в другой руке у него удочки были.

Когда он на берег вышел, тут он и споткнул-

ся. Вся рыба у него из майки выскочила и на траве прыгает. Я сразу бросился эту рыбу ловить.

Собрали рыбу, он майку снял, и мы всю рыбу положили в эту майку, как в мешок.

Я его спросил, неужели он так все время стоял, никуда не уходил?

— Так и стоял, — сказал он.

— И обедать не ходил?

— Чего ж я без рыбы обедать пойду?

— Неужели нельзя без рыбы обедать идти? — удивился я.

— Разве ж это рыбак, который обедать ходит, а рыбу не приносит? Это ж ушехлоп получается!

— Кто получается?
— Ушехлоп — сказано тебе? Ушами, знай, хлопает, а рыба от него топает.
— Где это ты такое слово только выкопал? — говорю.
— А чего его копать, если тот человек, который ушами хлопает, ушехлопом и называется. Как же его еще назовешь?
— Хлопоухом, — говорю, — еще можно назвать. Ухохлопом можно.
— Да ты что, мне учитель, что ли, какой? Чего это ты меня учишь?
Очень уж он серьезный человек был, я таких серьезных еще не видел.
— Поймал ты много! — сказал я.
— То все коровы, — сказал он.
— Чего коровы?
— Коровы их шугают.

— Кого шугают?
— Рыб.
— Как?
— Вон в плесе пасутся...
— Ну?
— И рыбу ко мне шугают. Куда коровы идут, туда и я. Они, значит, ходят, и рыбу ко мне гонят. Ты только, знай, удочку закидывай да вытягивать успевай. Своим собственным соображением до этого дошел! — Он тряхнул мешок. — Ишь, сколько нашугали!
— Здорово нашугали, — сказал я пораженный.
— Вот так-то! — сказал он.
Неужели коровы ему столько рыб нашугали?
И кто бы мог подумать!

НАХИМОВЦЫ

На другой день я сразу, как встал, к лагерному забору отправился. Ждал, когда у них завтрак кончится, возле забора прогуливался. Никто не имеет права мне запретить возле забора прогуливаться! Я руки за спину заложил и так ходил, поглядывая на лагерную территорию.

Спрашиваю часовых про Саньку. А они фамилию спрашивают.

Один говорит:

— Меня тоже Санькой зовут. — Врет, наверное!

А другой говорит:

— Ты подальше отойди, нечего у ворот торчать...

Перешел я на ту сторону, сел на траву и сижу. И на часовых уничтожающим взглядом смотрю. Мог бы и не отойти, стоял бы себе и все! Да я отошел, чтобы разных там неприятностей не было.

И вот идет прямо ко мне из ворот Санька, а под мышкой у него футбольный мяч. Молодец он все-таки, меня увидел!

— Ты чего здесь сидишь? — говорит. — Проходи в лагерь, очень хорошо, что ты пришел! Как раз к футбольному матчу с нахимовцами поспел!

— Да ты что! — говорю. — Как же я туда пойду, если меня вчера выгнали!

— Так это вчера, а не сегодня, тем более, к нам сегодня нахимовцы с того берега приезжают. Если тебя спросят, скажи, что ты нахимовец — и все!

Санька подкинул вверх мяч, поймал его и говорит:

— Напрасно ты думаешь, что все только о тебе и думают. Ох, и покажем мы этим нахимовцам!

Я решил почему-то, что с нахимовцами драка предстоит, не хватает еще, чтобы меня как нахимовца избили!

— Нет, нет, я туда не пойду...

Санька очень спешил, ему нужно было нахимовцев встретить, и он меня к воротам потащил, а я упирался. А на часовых он даже внимания не обращал, как будто бы их нет.

Он меня к самым воротам притащил, а часовые зачем-то в сторону отошли, непонятные какие-то часовые! Или они его боялись, но они от ворот совсем отошли.

Раз так, я в ворота вошел, тем более, они меня раньше не пускали.

Как только мы на лагерной территории очутились, Санька сразу убежал, а мне крикнул, чтобы я на стадион отправлялся.

МАТЧ

Со мной рядом сели девчонки. Они все время на меня смотрели и смеялись. Девчонки ведь часто смеются просто так.

Они смеялись, смеялись, а потом одна девчонка спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, вы не из нашего лагеря?

Я вздрогнул и говорю:

— Я нахимовец.

Она говорит:

— Ой! Я же чувствую, что вы не из нашего лагеря!

— А вы, наверное, отдельно приехали?

— Совершенно отдельно, — говорю.

— А форма у вас какая? — спрашивает.

— Форма, — говорю, — у нас футбольная...

— А почему у вас форма не морская?

— А мне в ней жарко!

— Правильно! И я так думала!

— А вы можете это озеро в длину переплыть?

— А у вас есть подводные лодки?

— А ленточки от бескозырки во рту держат, когда ветер?

— А если ураган, можно ленточки во рту держать?

— А бывает так, что ныряют, а потом не выныривают?

— А когда торпеду пускают, барабанные перепонки не лопаются?

— А когда качка, можно устоять, чтобы ни за что не держаться?

Скорей бы футбол начался!

Я им отвечал, отвечал, а потом чувствую — больше уже не могу отвечать! Спросят меня что-нибудь, а я им говорю:

— Это военная тайна.

Тем более, я себя чувствовал все время напряженно на лагерной территории.

Я им несколько раз ответил, что это военная тайна, и они от меня отстали.

Тут как раз выбежали на поле футболисты, а впереди своей команды бежал Санька-капитан.

Зрители стали свистеть и хлопать, а девчонки шептались.

И вот начался этот знаменитый матч, который потом сам Санька описал в дневнике своего отряда:

«На совете дружины мы решили пригласить к себе на товарищескую встречу по футболу нахимовцев. Учитывая то, что они находятся как раз напротив, на другой стороне озера, и как бы являются нашими соседями. Итак, их пригласили и с нетерпением ждали их. Вот вдаль показалась одна лодка, вторая, третья. И скоро эти лодки вместе с нахимовцами причалили к берегам нашего лагеря. И вот нахимовцы взошли на мостки и пошли в лагерь. И вот обе команды выходят на поле. Проходит несколько минут, и вратарь нашей команды вынимает из ворот первый мяч. Но это была случайность. Разыграв мяч, наша команда переходит в наступление, но нахимовцы перехватывают мяч и забивают гол. Мы опять переходим в наступление, но нахимовцы опять забивают нам гол. Когда мы в третий раз перешли в наступление, они каким-то образом забили нам третий мяч. Четвертый гол был забит, когда мы собирались в четвертый раз перейти в наступление. Как только мы собрались в пятый раз перейти в наступление, свисток судьбы напомнил нам о том, что первый тайм окончен. Начался второй тайм. Мы пе-

ременили тактику. Мы все ушли в оборону, и нам сразу же забил мяч. Когда мы собирались опять переменить тактику, нам забил уже двенадцать мячей. Мы ни одного не забил, хотя всю старались. Наш вратарь дрался, как лев, но он ничего не мог сделать. Он метался во все стороны и рисковал, но мячи поймать не мог. Несмотря на это, он проявил себя отважно. От имени совета дружины мы объявили ему благодарность, хотя начальник лагеря и старшая пионервожатая считали, что этого делать было не нужно, раз он пропустил двенадцать мячей. Но он ведь старался! Потом мы повели нахимовцев на обед, и они остались довольны. После ужина были танцы. Но вот танцы кончаются, нахимовцы садятся в лодки. До-сви-да-ния! — кричат пионеры нашего лагеря. На прощание мы пели песню «Бескозырка» до тех пор, пока они не скрылись из глаз. Только нам было обидно, что нам забил столько мячей. Мы этого ни в коем случае не ожидали. Мы ожидали, что будет наоборот. Но вышло наоборот. Надо сказать, игра была очень живая, но в другой раз мы будем лучше защищать свои ворота. Хотя вратарь тут ни при чем.

*Капитан футбольной команды
пионерлагеря «Синее озеро»
Саня Буртиков».*

ВМЕСТО МАТЧА

Все это Саня мне потом прочел, а футбола этого я так и не увидел. Как только начался матч, подходит вдруг ко мне длинноносый и, представьте себе, просит меня подвинуться. Я подвинулся, и он сел рядом. Он на девчонку смотрел и поэтому на меня никакого внимания не обратил. Вдруг слышу, девчонка ему на ухо говорит:

— С нами рядом нахимовец сидит.

Он сразу узнал меня и сразу меня за рубашку схватил. Мне ничего и делать не оставалось, как тоже его за рубашку схватить. Девчонки завизжали, — чуть даже футбол не прекратился.

Меня сразу вывели. А на прощание сказали, что если я еще раз на лагерной территории окажусь, они будут вынуждены за помощью обратиться в милицию.

У забора как раз бабушка с малышом стояла. Бабушка футбол смотрела, а малыш к ней с черпалкой приставал.

Схватил он меня за штанину.

— Давай черпалку! — кричит.

— Заберите, — говорю, — пожалуйста, своего ребенка, он меня за ногу тянет!

До сих пор не могут ему черпалки купить!

Малыш так мне в штанину вцепился, что его не оторвать. Один за рубашку меня хватает, другой за штанину...

— Давай черпалку! — орет, и все!

Я нагнулся, поднял с земли палку и говорю:

— Вот тебе черпалка!

А он говорит:

— Это палка!

Я на его глазах копнул этой палкой землю и говорю:

— Это, конечно, палка, да не простая. Поэтому она не просто палка, а черпалка. Раз она землю копает. — И еще раз как следует копнул, чтобы он убедился.

Малыш эту палку схватил, растерянно на меня посмотрел и улыбнулся.

ПРИХОДИ К НАМ В ЛАГЕРЬ, ПРИХОДИ!

— Если ты еще раз явишься на лагерную территорию, мы будем вынуждены обратиться за помощью в милицию.

Вот так мне и сказали.

А Санька сказал:

— Приходи-ка завтра на художественную самодеятельность. За что это тебя в милицию будут отправлять? За то, что ты художественную самодеятельность пришел посмотреть? Да где это видано, чтобы за это в милицию забирали?

Мне очень хотелось художественную самодеятельность посмотреть. Тем более, Санька будет плясать, петь и читать какое-то стихотворение. А если останется время, он еще будет показывать очень редкий фокус с носовыми платками. А если ему после всего этого зрители будут как следует аплодировать, он им прочтет две новые сказки писателей Козлова и Сергуненкова. Если же и после этого зрители не будут расходиться, а будут вызывать его на бис, он продемонстрирует небольшой акробатический этюд, где самым сложным является стойка на голове, не держась за пол руками.

Мне все больше и больше хотелось посмотреть художественную самодеятельность, и все более странным казалось мне, как это смеют меня не пускать в лагерь и даже выгонять, когда на плечах моего друга, можно сказать, лежит вся тяжесть художественной самодеятельности.

— Единственное, чего я не люблю, — сказал Санька, — это «спасительный монтаж». В этом

деле я никогда не участвую — отказываюсь наотрез!

— А что это такое? — спросил я.

— Ты что, Барто не читал? Об этом у Барто очень хорошо сказано: «Спасительная вещь». Ну, это когда все выстраиваются и первый говорит: «Нам песня строить и жить помогает». А второй говорит: «Она нас в бой и зовет и ведет». А третий говорит: «И тот, кто с песней по жизни шагает...» А четвертый говорит: «Тот никогда и нигде не пропадет!» Потом пятый, шестой и так далее, пока всю песню не прочтут. Это когда выступать никому. Но раз я есть...

— А я? — спросил я.

— Что ты?

— Как же я?

— Вот фрукт! Да кто же тебя в воскресенье не пустит в лагерь, когда в воскресенье всех родителей пускают! Ходи себе по лагерю, гуляй, в песке сиди, под деревьями сиди, художественную самодеятельность смотри. И что это тебе в голову пришло, что в наш пионерский лагерь ходить нельзя? Кто это мог сказать тебе такое, прямо смешно! Да приходи ты в лагерь, приходи!

Он ушел на ужин, а я рассуждал про себя о том, что никто не имеет права в воскресенье не пускать меня в лагерь в родительский день. Потому что я, может быть, чей-то брат, может быть, я вместе с родителями пришел к своему брату или сестре, и никто не может выгнать меня в такой день!

Не имеют права!

КОНЦЕРТ

«Если ты еще раз явишься на лагерную территорию, мы будем вынуждены обратиться в милицию...»

Эти слова у меня все-таки вертелись в голове, когда я с многочисленными родителями вошел в лагерь и стал ходить по лагерной территории.

Длинноносый теперь не будет меня за рубашку хватать. Санька его как следует предупредил, что если он меня будет хватать за рубашку, то Санька от его рубашки ничего не оставит.

На художественную самодеятельность все родители пришли. Народу было! Тьма!

Открылся занавес, и на сцене стоял Санька.

— Дорогие товарищи! Дорогие родители и ребята! Позвольте мне от лица... позвольте мне

начать самодеятельность в своем лице... — сказал Санька и запел:

— Хотят ли русские войны,

Спросите вы у тишины...

Он изо всех сил старался, и лицо у него было совершенно красное.

— Спросите у жены моей!.. — орал он.

Когда он кончил, все захлопали, и Санька радостно спросил:

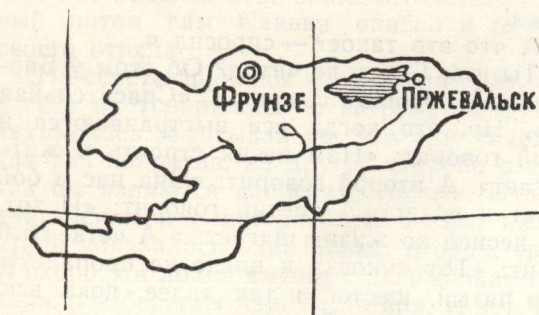
— Еще выступить?

— Еще! — закричали зрители. — Давай!

— Сейчас, сейчас! — он поднял кверху голову, а руку выставил вперед. Видно было, что любит он выступать.

— Я памятник себе воздвиг нерукотворный! — заорал он.

(Окончание следует)

КИРГИЗСКИЙ БЛОКНОТ

В. Бахревский

Рисунки Е. Захарова

КРУЖКА СИЛЫ

Даже утром во Фрунзе жарко. Небо белое, пропитанное солнцем. Солнцу трудно пробиться сквозь листву, и оно сияющими реками катится по дорогам.

Отправляюсь на базар. Серые ишаки с умными печальными мордами, киргизы в белых войлочных шляпах с черными отворотами, зеленые грузовики, фрукты — и опять солнце.

Оно — всюду! На вишнях — алое, на урюке — зеленое, на мощной, в кулак, клубнике — розовое, притуманенное.

Я хочу быть сильным. Иду пить кумыс. Он в пахучих кожаных бурдюках, седой, ворчливый, таинственный.

Девочка с тысячью косичек наливает мне полную кружку. Кумыс сердится, шипит. Я его задабриваю медом. Кладу несколько ложек густого топленого солнца. Пью.

Кумыс колючий, и я чувствую, что могу поднять в воздух самого страшного, самого злого великана. Но великанов нет. Кумыс в Киргизии пьют с самого начала. Когда было начало, никто толком не знает. Но зато известно, что злые великаны давным-давно перевелись.

ТРАНСПОРТ

Моя мать очень волнуется, когда я летаю на самолетах. В Киргизии на самолетах летают все: от мала до велика. Мне довелось видеть, как целый табор скотоводов дождался транспортных самолетов, чтобы переправиться на пастбища, куда пастухи угнали скот.

Я видел, как старые киргизки, с темными от солнца и пыли лицами,

галопом влетали на аэродром, не слезая с седла, брали билеты и потом вместе с нами болтались в «АН-2», заливая качку кумысом.

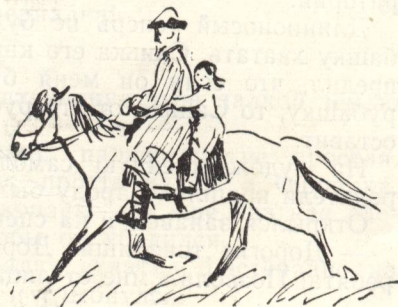
Что поделаешь, самолет и лошадь — другого транспорта нет.

ДЕВОЧКА С ГОР

Девочка приехала с гор. Сначала она ехала на лошади, держась за халат белобородого аксакала. Потом их подбросила попутная машина. Потом их вез автобус с большими блестящими окнами. Окон было много, даже на потолке. И, наконец, они

остановились у озера Иссык-Куль. Озеро было синее-синее, зеленое-зеленое, серебряное-серебряное и такое большое, что девочка закричала радостным голосом:

— Бобо, смотри сколько чая!

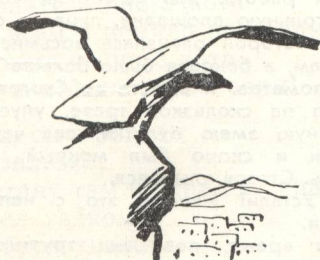
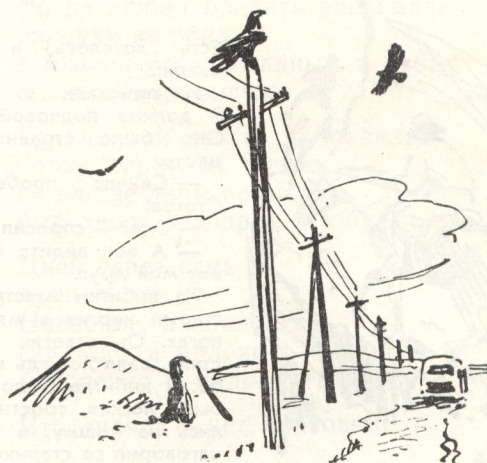

НОВЫЙ ПЕЙЗАЖ

Курганники должны сидеть на курганах. Они — олицетворение безлюдия и вечности.

Я пересекал Ферганскую долину и видел, как большие серые птицы сидели вдоль дороги, но не на курганах, как полагалось бы им, а на электрических столбах.

Курганники... Какие они теперь курганники? Настолбники скорее.

На холме стоит памятник. Бронзовый орел, размахнувший бронзовые крылья. Жил на свете человек, Николай

ПАМЯТНИК

Михайлович Пржевальский. Ходил человек по земле. И столько видел на своем веку неба, и гор, и песков, и рек, и лесов. И столько у него было друзей. Столько доброго сделал он людям, что поставили ему памятник.

Ходил человек по Азии. Открывал хребты и озера. Не мало повидал и горных орлов, и степных. И было ему спокойно, и не было ему одиноко, когда в пустынном небе плавали грозные орлы.

Похоронили человека над голубым озером. Шумит Иссык-Куль. Поставили в изголовье бронзового орла.

Привычно с орлом. А за озером дымчатые горы. И пустыни, и реки, и города. Много-много нерусской земли.

Земли друзей, которая была ему дорогой и постелью. Делом его жизни, мечтой и бессмертием. Стала эта земля — его могилой.

А чтобы теплее ему было, посадили на холме сад.

Растут в саду цветы степей и те, которые были в детстве, в России.

Всякий, кто бывает в этих неблизких краях, приходит на холм и стоит у могилы. Здесь тихо и слышно, как шумит и живет город Пржевальск.

МАКИ

Столько раз я бывал в Средней Азии, а главного чуда не видел. Я не видел цветущих полей мака.

И вот четыреста километров дороги из Таласа во Фрунзе. Дребезжащий автобус, голые мрачные горы, пыльный город Джамбул и, наконец, зеленые степи.

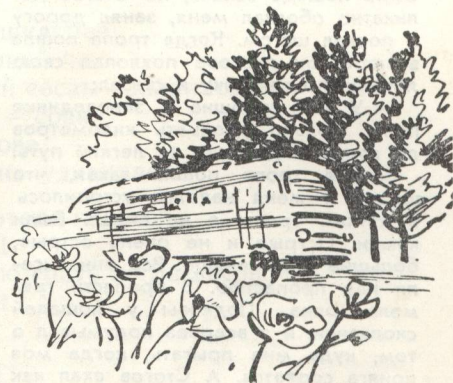
Вдоль дороги — аллея молодящихся деревьев. Зимой они спасают дорогу от заносов.

Между деревьями краснело, но я думал, что это глина. А потом автобус остановился на мгновение, и я увидел маки. Они росли на голой земле, где ничего не хотело родиться.

Потом я увидел маки у самой до-

роги. Они трепетали веселыми огоньками. Они любили нас, дорожных людей. Выходили на самую последнюю ступеньку обочины и цвели изо всех сил. И я вдруг подумал, что они ревнивы. Они любили свою родину, свою голую степь и боялись, что люди так и скажут: какая большая, какая голая степь. Маки пристально смотрели путникам в глаза и цвели, цвели!

Степь развернула плавные невысокие крылья косогора. От вершины, от самого неба и по всей зелени играло алое море. Тогда подумал я о редких маках у обочин так: они радостные вестники великого алого государства. Они зовут на свою

весну. Эта весна удивительная, как и все весны на всей многоликой земле.

УЧЕНЫЙ МАЛЬЧИК

Даже при самой тряской рыси Стогов сидит в седле, как привинченный. За эту посадку энтомологи, работавшие здесь, прозвали его Кентавром.

Стогову тринадцать лет. Он не просто ученик, семиклассник — он научный сотрудник Академии наук республики.

Каждое лето Стогов работает в заповеднике. У него своя лошадь, свои приборы, свой участок для наблюдения. Изучает он жизнь и повадки сурков.

Он объяснил мне, что на земном шаре всего двенадцать видов сурков. Почти все они рыжей масти и относятся к семейству беличьих. Живут сурки в Европе, в Северной Америке и в Азии. На территории Советского Союза из двенадцати видов встречается шесть.

Я попросил Стогова показать мне его любимцев, и он согласился.

Выехали мы рано утром. Я пустил было лошадь вскачь, но Стогов деликатно обогнал меня, занял дорогу и поехал шагом. Когда тропа пошла в небо, он ласково похлопал свою лошадь по загривку и сказал:

— У нас хорошие в заповеднике кони. Только двадцать километров по горам и для них не легкий путь.

Вскоре тропа пошла такая, что сердце у меня надолго устроилось в пятках. Тропы я не видел. Были камни. Острые и не очень острые, большие и поменьше. Все они висели над пропастью. В пропасти гремела река. Подковы у лошадей скользили, и я всерьез подумывал о том, куда мне прыгать, когда моя коняга сорвется. А Стогов ехал как ни в чем не бывало.

Наконец добрались до горных лугов. Потом перевалили еще через гряды. Было жарко. Хотелось пить.

Есть хотелось, а мы все ехали, ехали...

И приехали в горную долину. В долине подковой лежало озеро. Оно было странного волнующего цвета.

— Сейчас пообедаем, — сказал Стогов.

— Где? — спросил я.

— А вон видите кибитку? Там живет мой друг.

Из кибитки навстречу нам вышел старый киргиз в мягких желтых сапогах. Он ответил на наши приветствия, взял лошадь и пригласил к себе. В кибитке было прохладно. Она была легкая, тростниковая. Мы уселись на кошму, и Стогов о чем-то заговорил со стариком.

— Он по-русски плохо понимает, — сказал Стогов.

Женщина в красной рубашке и в красной косынке подала большую миску густых сливок. Передо мной поставили миску поменьше и дали ложку.

Старик ломал руками круглую лепешку и ломтики раскладывал перед нами.

Потом женщина принесла закопченный кувшин. Появились две пиалы. Женщина наполнила их чаем и передала хозяину. Тот предложил их нам и снова повел беседу.

— О чем вы говорите? — спросил я.

— Так. О местных делах, — ответил Стогов.

Я выпил чай и отдал пиалу женщине. Она снова наполнила ее, передала хозяину, а тот мне. Я отказался. Хозяин стал пить сам.

После чая подали неглубокую миску с чем-то молочным. Я поблагодарил, но Стогов сказал:

— Пей. Это от жажды.

Я отпил несколько глотков, и миска пошла по кругу. Молоко напоминало немного простоквашу, немного жидкий творог и было подсоленным.

— Ты хорошо знаешь киргизский? — спросил я у Стогова, когда мы отправились дальше.

— Ничего.

— А узбекский?

— Понимаю.

— А казахский?

— И казахский. Он похож на киргизский.

— Когда же ты успел столько языков выучить?

— Не знаю. Сами выучились.

Мы въехали в теснину.

— Видишь? — спросил Стогов.

— Где?

— Да вон. Сурок между камней.

— Не вижу.

— Да вон. У черного камня. Видишь?

— Вижу, — сдася я, хотя не видел ни камня, ни сурка.

И тут раздался пронзительный свист.

— Кто это?

— Сурки. Часовой заметил опасность.

Между камней метнулись рыжие зверьки.

— Ого, сколько! — воскликнул я.

— Их тут пруд пруди.

Стогов спешился.

— Здесь мы и замерим площадку. Потом я буду норы столбить, а вы на Сары-Челек поедете. Это отсюда километров шесть.

— Как это столбить? — не понял я.

— Очень просто. Возле каждой норы забью колышек. Наблюдать будет легче.

— Да ведь здесь нор тьма.

— Много, — согласился Стогов.

В тот день я понял, что такое научная работа. Мы вымерили четырехугольную площадку, лицевая сторона которой равнялась восьмистам метрам, а боковая была больше полукилометра. Я вместе со Стоговым падал на скользкой траве, упускал стальную змею рулетки, лез через камни и скоро был мокрый, как мышь. Стогов улыбался.

— Устали? Ничего, это с неприятки.

Все время, пока мы трудились, громко, но глуховато кричала какая-то птица.

— А кто это? — спросил я.

— Удод. У них сейчас пора любви. Прощаясь со Стоговым, я поинтересовался:

— Ты тоже приедешь на озеро?

— Нет. Я здесь заночую. Сегодня все равно не управиться.

— Не боишься? — вырвалось у меня.

Стогов засмеялся.

Я сел на лошадь и поехал на Сары-Челек.

Кричали удода. Пронзительно, будто ударяя по медной проволоке, свистели сурки. Было немножко грустно, что они принимают меня за опасность. Я с детства мечтал подружиться со зверьем. Да как-то не получалось. Все недосуг. Вот и бегут они от меня.

ЧЕРНЫЙ КОТ

Давайте черного кота
мы всем в пример поставим,
давайте черного кота
мы в песенке прославим!

Ведь он в подвал
не залезал,
сметану там не крал из кринки,
не ел тайком,
не брал тишком
припасов из корзинки.

Он не любил бродить впотьмах,
он мухи не обидел,
с мышонком пойманным в зубах
его никто не видел.

Три дня он как-то пропадал,
потом вернулся ночью,
он на две лапы припадал,
был хвост разодран в клочья.

Дней через семь
пропал совсем.
Наверное, в кладовке
свалился в молоко и — хлоп! —
мгновенно в молоке утоп.

Что значит — нет сноровки!

Рисунки
Н. Муратова

СОВА

В кривом стволе,
в гнилом дупле
жила сова-старуха.
Взлетит на бук,
на верхний сук
и станет ухать глухо.

Не дремлет ночь всю напролет,
вращаются глазищи:
кто там ползет?
кто там плывет?
кто там во мраке рыщет?
Не потому ль старуха днем
всегда бывает злая?

Забьется в своей трухлявый дом —
и там сидит зевая.

Но шишка раз
в вечерний час
с ветвей сосны свалилась
и бац! — сове
по голове.
Та очень удивилась.

И помотала головой.
У-у-у-у!
И ночью спать легла впервой.
У-у-у-у!

Перевел с сербско-хорватского
С. Свяцкий.

НА РАДОСТЬ МИСТЕРУ ЛОРИНГУ

Г. Александрович

Вот уже в течение полувека мистер Лоринг возглавляет одно из самых крупных похоронных бюро в Соединенных Штатах Америки и считается «большим мастером своего дела».

«На сегодняшний день, — говорит мистер Лоринг, — у нас нет особых оснований для беспокойства...»

Почтенный «мастер» верит в светлое будущее своей профессии.

И, к сожалению, верит не без оснований.

Когда корреспондент журнала «Аур нейви» спросил у солдата морской пехоты Нормана Райана, что побудило его ехать в Южный Вьетнам, тот ответил, небрежно сплевывая: «Хочу своими глазами взглянуть, что там делается, вместо того чтобы смотреть по телевизору. К тому же, нам сулят хорошие деньги!»

Норман Райан так и не успел осмотреться в чужой далекой стране: партизанская пуля сразила его, прежде чем он успел понять, что происходит вокруг. Имя Райана промелькнуло среди сотен других на страницах газеты «Чикаго трибюн», которая регулярно пуб-

ликует списки американских военнослужащих, сложивших голову в «грязной войне».

Убитых американских солдат доставляют на самолетах в США и торжественно хоронят с цветами и оркестром, причем все расходы щедро оплачивает казна. Вряд ли это последнее сообщение способно утешить матерей убитых.

Но для мистера Лоринга и его коллег оно слаще звуков похоронного марша.

«...Я сделала все, чтобы его спасти. Когда отключили ток, я ни на секунду не прекращала нагнетать воздух в «железное легкое» с помощью аварийного рычага управления. Однако к утру силы меня оставили, и хотя обморок продолжался всего две-три минуты, для Френсиса эти минуты оказались роковыми...»

Так двадцатисемилетняя Элен Бартлет из г. Нэшвилл (штат Теннесси) рассказывает журналистам о своем горе.

Год назад ее одиннадцатилетний сын заболел тяжелой формой полиомиелита. Пришлось покупать в кредит аппарат искусственного дыхания (так называемое «железное легкое»). А «железное легкое» потребляет уйму электроэнергии...

Однажды вечером пришло извещение с требованием немедленно погасить задолженность — иначе выключат электричество. И кредиторы не стали даже дожидаться утра.

Френсис Бартлет умер, потому что у его матери не было сорока пяти долларов. Ужин для людей, которых вы видите на снимке рядом, — один только ужин! — стоил сто восемьдесят долларов.

Впрочем, кое-что от щедрот богачей достается и на долю Бартлетов: во многих американских штатах принят закон, гарантирующий беднякам, умершим от голода или болезней... похороны за счет государства.

Так что бедняки могут не беспокоиться: мистеру Лорингу за них заплатят, гробовщики получают свое.

В один из апрельских дней 1964 года нью-йоркский пригород Квинс стал ареной двух уличных происшествий.

В благоустроенном и довольно зажиточном квартале на улице Нью Гарден вооруженный ножом гангстер

напал на двадцативосьмилетнюю Китти Дженовезе, которая возвращалась с работы и находилась у самого своего дома. Кругом стояли десятки соседней этой женщины; она не переставала просить их о помощи, называя по именам, но никто из них не тронулся с места.

Этим людям с детства внушили мысль о том, что не следует вмешиваться в дело, из которого нельзя извлечь для себя выгоды.

А часом позже у семизэтажного дома на улице Дарк Гров столпились многочисленные зеваки.

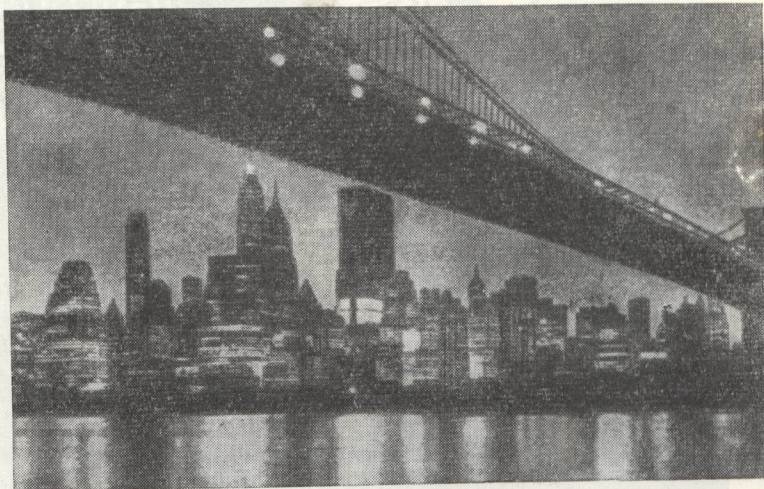
Лицо человека, стоявшего на крыше, выражало безысходное отчаяние. Вот он в последний раз оглянулся вокруг и на какую-то долю секунды заколебался. «Прыгай же, трус, прыгай!» — раздраженно вы-

В Нью-Йорке есть мост, давно уже получивший в народе название «моста самоубийц». Почти каждую ночь отсюда доносится всплеск упавшего в воду тела, а на рассвете полицейские вылавливают очередную жертву, добровольно покончившую счеты с жизнью. Нью-Йоркский психолог Оскар Чаймс создал даже целую теорию по поводу этого моста, согласно которой самый его вид «навевает человеку мысль о смерти». В действительности, однако, все обстоит гораздо более прозаично: мост пролегает через один из беднейших кварталов города, а как подтверждает официальная американская статистика, нищета — главная причина самоубийств в Соединенных Штатах.

... Мистер Лоринг может не беспокоиться!

крикнул один из зрителей. — Я поспорил на два доллара, что ты разобьешь себе голову!» Минуту спустя человек, бросивший эту реплику, получил свой выигрыш...

За каменной стеной равнодушия скрываются предательство и подлость. Равнодушные — верные союзники могильщиков; нет, мистер Лоринг может не волноваться!

Человек, которого вы видите на переднем плане, сидит на скамье подсудимых по обвинению в преднамеренном убийстве. Дэвид Беншли, занимающий должность заместителя начальника полиции в городе Филадельфии (штат Миссисипи), собственноручно убил трех участников похода за права негров и не скрывает того, что сделал это совершенно сознательно. Тем не менее, на его лице нет ни малейших опасений. И действительно, не пройдет и получаса, как Дэвид Беншли, полностью оправданный единодушным решением судей — таких же отъявленных расистов, как и он сам — будет освобожден из-под стражи.

«Я и впредь буду беспощадно истреблять бунтующих негров и их подголосков!» — заявил он представителям печати.

Что ж, пока в Америке убийцы и головорезы носят полицейскую форму, мистеру Лорингу и его коллегам не угрожает безработица!

Бывший президент крупнейшей американской фирмы «Дженерал Моторс» Чарльз Вильсон однажды бросил крылатую фразу: «Что хорошо для «Дженерал Моторс», хорошо для Америки».

Вместе с девятнадцатью другими промышленными гигантами США «Дженерал Моторс» составляет так называемую «большую двадцатку», которая назначает своих людей в правительство и через них распоряжается судьбами страны. Члены «большой двадцатки» выступают за расширение войны во Вьетнаме, за усиление полицейского произвола внутри страны. И в то же время они изо дня в день внушают рядовому американцу: «Что хорошо для нас, хорошо для Америки».

Жизнь вносит в эту формулу существенную поправку: что хорошо для богатей, хорошо для мистера Лоринга.

Н. Сладков

«Открывателем может быть только тот, кто все считает возможным».

Редакция журнала «Костер» попросила меня рассказать о чудовище из якутского озера Хайыр.

Озеро Хайыр находится у реки Омолой, недалеко от ее впадения в море Лаптевых. Летом 1964 года рабочий биологического отряда, работающего в районе этого озера, Николай Гладких увидел в озере нечто невиданное: не зверь, не птица, не змея, не рыба! Что-то огромное, страшное — среднее между змеей и крокодилом! — иссиня-черного цвета. Гладких перепугался, поднял на ноги весь отряд, но когда прибежали к озеру — на берегу уже никого не было.

Подобно кругам от брошенного в воду камня, покатались во все стороны слухи. В газетах и журналах появились сообщения: то подтверждающие, то опровергающие.

На следующее лето к озеру — а добраться до него очень трудно! — двинулись одиночки, группы и целые самостоятельные экспедиции. Люди, не задумываясь, тратили свое свободное время и свои деньги, не считаясь с тяготами пути и с неудобствами жизни. Это показывает, как сильно влекут и волнуют людей загадки природы.

Но никому после Гладких так и не удалось увидеть чудовище. Оно в полном смысле слова кануло в воду.

Самое удивительное, что ни в одной газете и ни в одном журнале не был помещен рассказ самого очевидца — Николая Гладких. Были только одни пересказы. В свое время я получил письмо от него самого, и я приведу его почти полностью.

«Я, Николай Иванович, часто это вспоминаю. Я это явление видел два раза. Сам видел два раза, и один якут видел раз. Я могу толь-

ко написать, что я сам точно не уверен, зверь это был или же что другое. А вдруг это просто отражение? Но отражение было бы неподвижно, а это поплыло и скрылось в озере. А раз видел его на середине озера: оно плыло очень тихо и тут же ушло в воду. И всегда это было в глухую ночь, хотя там и ночей темных нет. Выходит оно всегда, когда погода тихая и теплая — в 2—3 часа ночи.

Приблизительный рисунок я нарисовал.

Этот рисунок я сделал, когда оно было у берега. Я его хорошо не мог разглядеть, оно сразу ушло в воду».

Случилось так, что как раз в то лето на берегу этого озера находился зоолог, мой давний товарищ, Андрей Александрович Меженный. К нему-то я и обратился за разъяснениями. И вот что он мне сообщил.

«На берегу этого озера я бывал уже два года подряд и наблюдал его сравнительно часто, так как база нашего отряда находится в 200 метрах от кромки воды, на холме. Озеро лежит в древней долине реки Омолой и отделено от реки холмом высотой в 20 метров и шириной в 250. Озеро почти абсолютно круглой формы, как определяют геологи, термокарстового происхождения, с крутыми, в 10-15 метров высоты, берегами. По рассказам местных жителей, один старик видел в озере щуку, величиной с небольшую лодку, другой

рыбы, якобы, в озере не водится. «Чудовище», о котором идет речь, Гладких видел в озере три раза. Присутствие большого животного в сравнительно небольшом озере, да еще лишенном кормовой базы, продолжало вызывать у меня сомнение. Никто из сотрудников отряда этого животного не видел. Мною был обследован весь берег озера: никаких следов деятельности животного не было обнаружено. Мы измерили глубину озера: она оказалась в разных местах всего 6—6,5 метров».

В другом письме Андрей Александрович прислал фотографию озера с пометками мест встреч Николаем Гладких загадочного существа.

В письме пояснялось:

«После первого «видения» разговоров о чудовище почти не было. Гладких сам же высказал вероятность того, что был просто большой пласт торфа, оттаявший и всплывший или отвалившийся от берега и утонувший. Но через некоторое время он уже увидел след на воде. Я высказал ему свое сомнение, подкрепляя его тем, что для большого животного необходимо много питания, которого в озере нет. В озере живет немного колюшек; крупной же рыбы и вовсе нет».

«Создание легенды было облегчено и тем, что в мое отсутствие тут нашли «ящерицу» сантиметров в 20 длиной, с гладкой кожей. Это было несомненно единственно возможное тут земноводное — редкий тритон-углозуб. «Ящерицу» не сохранили, но посчитали, что это, возможно, детеныш неведомого существа».

В конце вывод: никакого чудовища в озере не было, нет и не может быть. Все это плод разыгравшегося воображения.

Год спустя, летом прошлого года, в одном из соседних с Хайыром озер, участникам экспедиции удалось сфотографировать в воде спину неизвестного зверя.

Было высказано предположение, что в озеро как-то пробрался тюлень или морж. Но специалисты, изучив фотографию, не опознали в животном ни одно из известных им ластоногих.

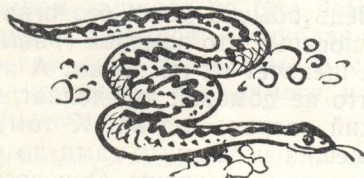
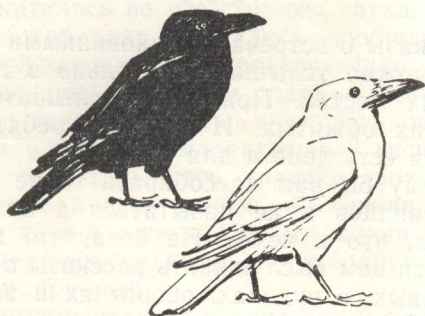
Сейчас большинство согласно с тем, что никакого чудовища в озере нет. «Открытого зве-

ря снова «закрыли». И это правильно, так как наука может опираться только на факты. А фактов, достаточных, нет.

* * *

Рассказы о встречах с диковинными животными можно услышать не только в далеких и диких местах. Приходится слышать их и в местах обжитых. И вот тут, ребята, мне кажется есть дело и для вас.

Почему бы вам не собирать такие рассказы очевидцев и не попытаться в них разобраться, что к чему? Не беда, что нередко придется вам выслушивать рассказы о леших, о домовых, о чудиках, оборотнях и водяных. Каждый школьник знает теперь, что их в природе не существует. Но интересно проследить на месте, как могло зародиться каждое такое суеверие и на чем оно до сих пор держится? Ведь обычно дыма без огня не бывает. Было поверье, что домовый гривы лошадям завивает, щекочет их по ночам. А кто-то проследил, что не домовый это делает, а маленький ловкий зверек — ласка. К тому же рассказы о леших и водяных сами по себе интересны, а часто и поэтичны. Они доставят удовольствие и «охотникам» за фольклором.

У меня есть тетрадь, на обложке которой написано: **НЕРАЗГАДАННЫЕ ЗАГАДКИ**. На севере и на юге, на востоке и западе приходилось мне слышать от охотников, рыбаков, лесников удивительные рассказы о необычайных, часто просто неправдоподобных встречах и событиях. Я все заносил их в тетрадь и теперь не жалею об этом: тетрадь небылиц обернулась тетрадью загадок! Прошли годы, и многие загадки — часто самые невероятные! — получили отгадку. Вот, например. В одном месте рассказали мне, что у них водятся... жар-птицы! Темной ночью пролетали они над головой, светясь и мерцая, как метеоры. Охотник уверял, что он убил ночью морскую утку, которая светилась так ярко, что при свете этом легко можно было рассмотреть стрелки и цифры на маленьких ручных часах! Что и говорить, тогда я посчитал это очередной охотничьей байкой. А недавно узнал, что такое возможно, что иногда на перьях птиц поселяются светящиеся микроорганизмы. Как видите, сказка о жар-птице не такая уж сказка!

Много загадок из тетради уже разгадано. Необыкновенный розовый журавль оказался южным фламинго, которого буря занесла далеко на север, в места, куда он сам никогда не залетает. Белый черный ворон, белый черный дятел. Не правда ли — странно звучит: белый черный... Оказалось и такое возможно. Изредка среди темно окрашенных птиц (и зверей) появляются белоснежные особи. Явление это имеет название — альбинизм. Огненно-красных змей, в существование которых я долго не верил, я сам увидел на Кавказе. Это были гадюки: блестяще-красные с черным узором.

Больше всего диковинных рассказов ходит про змей. То тут, то там встречаются змей, «толщиной в ногу и длиной в телеграфный столб». Змей у нас таких нет. Но очевидцы уверяют, что видели их «вот этими глазами». В Туркмении еще может таким удавом показаться большеглазый полоз, длина которого бывает больше 3 метров: с перепуга можно ему добавить еще столько же! Возможно, за огромных змей принимали походные колонны гусениц ратного комара, которые передвигаются широкой нескончаемой лентой. Издали это очень напоминает змею.

Одни загадки разгадываются, другие — загадываются. С разных сторон приходят интересные сообщения, которые требуют внимания и проверки: ведь за каждым из них может скрываться что-то, еще неизвестное.

Ждем таких же сообщений и от вас. Присылайте нам свои наблюдения, рассказы и рисунки. О самом интересном мы расскажем в журнале.

„МОЯ МЕЧТА“ акварель О. Цэрэн Давоа Монгольская Народная республика

„АТАКА ЗИМНЕГО ДВОРЦА“ акварель Николета Станку Румынская Народная республика

ДАНИЭЛЬ ДЕГРЕН В БЕРЛИНЕ

В. Дмитриевский

Рисунки В. Бескаравайного

Комсомольцы двадцатых-тридцатых годов носили на своих юнштурмовках, рубашках и блузах маленький значок: в центре красного флажка пятиконечная звезда и на ней три буквы — «КИМ», Коммунистический Интернационал молодежи.

КИМ был основан в ноябре 1919 года и просуществовал почти четверть столетия. После Великой Октябрьской революции во многих странах возникли боевые организации пролетарской молодежи — коммунистические союзы. Вот их-то и объединял КИМ.

Двадцать пять лет под славным знаменем Коммунистического Интернационала молодежи юные революционеры всех частей света вели мужественную борьбу за улучшение жизни трудящейся молодежи, против опасности войны и фашизма, в защиту колыбели социализма — Советского Союза.

Большинство комсомольских организаций за рубежом находилось в глубоком подполье. За принадлежность к Коммунистическому союзу молодежи юношей и девушек бросали в тюрьмы, подвергали жестоким пыткам, расстреливали и вешали.

И несмотря на то, что смерть подстерегала молодых коммунаров буквально на каждом шагу, КИМ рос и наливался силой. На его Всемирные конгрессы съезжались делегаты из всех уголков земли, делились опытом, вырабатывали планы действия, крепили интернациональную связь и дружбу.

Писатель Владимир Дмитриевский вступил в комсомол в 1920 году. В 1928 году он был направлен на работу в Исполком КИМа. В повести «Давай встретимся в Глазго» он рассказывает о тех далеких днях, о своих товарищах — вожаках комсомолии, с которыми ему довелось встречаться и вместе работать, об интернациональной дружбе комсомольцев всего мира.

Мы печатаем отрывок из этой повести¹. Действие относится к 1929 году. Советский комсомолец Мита Муромцев прибыл в Германию для изучения опыта работы немецкого комсомола.

Когда наш экспресс «Рига—Берлин», почти не сбавляя скорости, ворвался под гулкие своды Силезского вокзала и в купе стало темно, потом светло, опять темно и, наконец, совсем светло и поезд, чуть вздрогнув всем своим длинным желто-синим телом, остановился, я надел пальто, надвинул на правую бровь шляпу с этикеткой «Льеж Гильом пер» и, взяв чемоданчик, вышел в коридор.

Мой попутчик — герр Вайзе, рыхлый суевливый толстячок, имевший какие-то коммерческие интересы в Риге, затягивал ремнем вздувшееся пузо кофра, ежесекундно вспоминая черта.

— Цум тойфель, — прорычал он, когда я выходил из просигаренного до синевы купе, и хотя ругань была адресована не мне, а неподатливому чемодану, я посчитал это за добрую примету — ведь когда отправляешься на экзамены, то всегда просишь, чтобы тебя послали к черту. К черту... к черту!.. Вот я и попал к нему в зубы. То есть еще не попал и буду, конечно, изо всех сил стараться проскокить между его клыками, но ведь всякое может случиться.

Я не торопясь шел по коридору, пропуская носильщиков, предлагающих свои услуги. Мой

чемоданчик как перышко — белье, две рубашки, мыло да зубная щетка. На рубашках и белье тоже бельгийские этикетки и вышитая синим шелком монограмма «Д.Д.» Даниэль Дегрен, 1908 года рождения, родом из Льежа. Его папенька Рене Дегрен — владелец небольшого производства кружев. Льежские кружева. Вот кто этот молодой человек в серой фетровой шляпе, которому сейчас помогает сойти на перрон седоусый, закованный в мундир проводник, похожий на фельдмаршала Гинденбурга. Во Франкфурте-на-Одере я дал ему целую марку — знай наших! — и он любезно бормочет: «Данке шен, майн герр!» и желает мне всех и всяческих успехов.

Неторопливо бреду по перрону. Есть еще время. До назначенной встречи около трех часов. А пока в гостиницу. Отель «Бавария». Это на Иоганнесштрассе. Я мысленно еще раз прошелся по плану Берлина. Значит, так, на электричке или на омнибусе до Фридрихштрассе, пройти вперед, через мост, и третья направо... Кажется, все верно. Недаром же план Берлина, который мне дал Вартамян,¹ весь испещрен черными и красными стрелками и так в конце концов истрепался, что я должен был наклеить его на огромный лист картона. Я мысленно разгуливал по Берлину, как

Повесть Вл. Дмитриевского «Давай встретимся в Глазго» полностью будет опубликована в журнале «Нева».

¹ Амо Вартамян — один из работников Исполкома КИМа.

по Москве, и, оказавшись в Люстгартене, бормотал про себя: «Ага... это, значит, ратуша, и как раз напротив остановки автобуса. Так, следовательно, кирка Святой Марии останется чуть позади, а королевский дворец... гм.. гм... Ну, ясно, почти напротив!»

Но план, пусть даже самый наирасподробный, всего лишь кусок плотной бумаги. А тут гигантский, совершенно чужой город вдруг заключил меня в свои грохочущие объятия, и я услышал его незнакомую музыку и почувствовал пронзительный его запах, нимало не похожий на запах Москвы.

Город был аспидно-бурый, словно шкура матерого медведя, солидный, как дубовый буфет, неповоротливый, упирающийся частоколом треугольников в низкое, завернутое в облака, небо.

Накрапывал дождь, асфальт улиц почернел и угрюмо поблескивал, а над тротуарами вереницей медуз проплывали черные и серые зонтики и слышно было, как по натянутому шелку тюкают мелкие капельки дождя.

На углу прямой и довольно широкой Копенштрассе я узрел первого шупо. Он, как заводной, поворачивался из стороны в сторону и взмахивал руками в белых перчатках. Каска из черной лакированной кожи, глубоко надвинутая на глаза, и развевающаяся на ветру мокрая пелерина не придавали ему особой воинственности. Да и рожа у него была не очень зверская, скорее плаксивая,—видно, ему здорово надоело мокнуть, размахивать руками и слушать, как нетерпеливо воют и хрипят клаксоны автомобилей, которым он преграждал путь белой широченной ладонью. И все же это был настоящий полицейский, один из цепных псов Цергибеля¹, и, может быть, он уже не один раз разгонял пролетарские демонстрации и вот с такой же плаксивой гримасой на маленьком скуластом лице «работал» тяжелой резиновой дубинкой.

И тут Берлин отступил куда-то на второй план, стал просто декорацией, и я едва скользил взглядом и по роскошному, сверкающему, как каска шупо, автомобилю, в котором важно развалился буржуй с моноклем и в котелке, а рядом с шофером восседал полный достоинства тигровый дог, и по зеркальным витринам магазинов, где гипсовые девки, в пене черных и белых кружев, бессмысленно тарасили голубые стекляшки глаз, и по причудливым шляпкам-колпачкам женщин, раскрашенных так, словно все они были киноактрисами, и по колоссальной пивной кружке, повисшей на высоте третьего этажа, в которой искрилось и плескалось темно-желтое холодное пламя... Нет, я не собирался завоевать Берлин. Не для этого, братцы, меня сюда послали!

¹ Цергибель — начальник полиции Берлина, отдавший приказ расстрелять первомайскую демонстрацию трудящихся в 1929 году.

Затянувшаяся подготовка к поездке — как оказалось, товарищ Пятницкий¹ все же сказал Хитарову², что я еще несколько «сыроват», — продолжалась всю зиму. Я ежедневно занимался языками, изучал историю и экономику Веймарской республики, ну и, конечно, потел над материалами, характеризующими деятельность комсомола и противостоящих ему социал-демократических и буржуазных юношеских организаций. И первоначальное решение — послать меня в Германию на месяц — было пересмотрено секретариатом ИК КИМа. Теперь мне предстояло прожить в стране столько, сколько потребуется для того, чтобы узнать и понять ее. Вжиться, вгрызться в быт, раствориться среди сотен и тысяч молодых немецких рабочих, стать одним из них...

Что ж, попробуем! Пример для подражания — Рафик Хитаров. И, черт возьми, я уже вышел из пионерского возраста, отлично понимаю, что судьба Овода мне не уготована — доставлять оружие в Берлин и писать убийственные памфлеты против отцов церкви не входит в мою задачу. А вот попытаться стать таким, чтобы потом тебя вспоминали и говорили: «Товарищ Даниэль помог нам в этом... Он отважный и добрый парень, наш товарищ Даниэль», — мне очень хотелось. И я стал думать, как бы вел себя на моем месте Хитаров. Уж во всяком случае, не стал бы глазеть на полицейского и гипсовых Гретхен. Подумаешь, невидаль! Наверное, прежде всего, он установил бы, что за ним нет хвоста, то есть слежки.

Я тотчас же сделал вид, что чемодан отянул мне руку, поставил его на тротуар и, разминая пальцы, оглянулся.

За мной шли, оживленно болтая, две молодые немочки под одним зонтиком. Выбивая в четыре каблучка мелкую дробь, прошли мимо.

Какой-то старик в картузе и в клеенчатом фартуке, с зеленоватым огрызком сигары под распушившимся усом, костлявый и сутулый, медленно брел сзади, шаркая огромными разношенными ботинками. Мимо! Ан нет, надвигается на меня и в упор смотрит холодными бесцветными глазами из-под клочкастых бровей.

Что ему нужно от меня, этому большому сутулому старику? «Битте, майн герр, хабен зи штрайхгольцер?» Всего только спичку!

Я достаю коробку спичек, конечно, рижских, чиркаю, защищаю огонек ладонями, даю прикурить. Старик пыхает вонючим дымком мне

в лицо и рассыпается в благодарностях: «Шен данке, майн герр!» «Битте, майн герр, битте», — не менее любезно отвечаю я. От старика разит, словно из пивной бочки. Ясно, что не шпик. А сердце заколотилось, и лоб стал влажным. Вспотел от страха. Вот так, товарищ Даниэль! Я аж зубами заскрежетал от обиды и злости на самого себя и, схватив чемодан и уже не оглядываясь больше, зашагал к станции Эсбана.

Без всяких происшествий доехал до Фридрихштрассе — вот уж где Берлин поднялся передо мною во весь рост, — прошел по мосту через мутно-серую Шпрее и свернул в третью улицу направо.

Вот и отель «Бавария». Четырехэтажный острокрыший дом, выкрашенный в красновато-бурую краску.

— Есть ли свободные номера?

— О, конечно, и со всеми удобствами. Угодно ли господину номер с двумя кроватями?

Нет, господину Дегрену номер с двумя кроватями не угоден. Он же один, без фрау. И потом у господина Дегрена не очень-то густо с марками. Ему бы что-нибудь подешевле.

Впрочем, об этом я благоразумно умалчиваю и только говорю портье, что меня вполне устроит небольшой номер с одной кроватью.

Увидав мой бельгийский паспорт, портье переходит на французский язык и начинает каркать что-то едва понятное. Оказывается, паспорт надлежит ему оставить, чтобы зарегистрировать в полицейском управлении — опять, значит, распроклятый Цергибель! — а номер он мне предоставляет превосходный, семьдесят девятый, на четвертом этаже, но месье может не беспокоиться, лифт работает до одиннадцати вечера.

Итак, я оставил портье паспорт уроженца Льежа Даниэля Дегрена и получил в обмен ключ, к которому, как ядро к ноге каторжника, принайтована была здоровенная деревянная бомбошка.

«Превосходный» номер со всеми удобствами оказался полутемной комнатенкой, сохраняющей стойкий запах пудры, псины, и чего-то еще, отдающего свиным салом. Плоская, как блин, длинная подушка и перина в потемневшем малиновом шелке, вместо одеяла, оснащали скрипучую деревянную кровать. Окно выходило во двор: я распахнул его, чтобы нагнать в комнату свежего воздуха — в нос остро ударил запах жареной колбасы, и я подумал, что, может быть, успею еще позавтракать.

Но когда, спустившись вниз, в ресторанчик, я заказал кофе и яйца, кусок буквально не

¹ О. А. Пятницкий — старый большевик, секретарь Исполкома Коминтерна.

² Рафаэль Хитаров — секретарь Исполкома КИМа.

лез мне в горло. Приближался час встречи, и сомнения набросились на меня, словно голодные собачонки на брошенную кость. Ну, а если он вообще не придет? Это вам не Москва и не Ленинград, где можно договориться о свидании и отправляться на него, не сомневаясь в том, что оно состоится. В крайнем случае, коли это свидание с девушкой, она может опоздать на двадцать-тридцать минут, и если идет дождь, а ты хочешь быть настоящим рыцарем и ни на дюйм не выйдешь из круга встречи, то вымокнешь, как последний цуцик. Кроме того, есть телефон: «Алло... Что с тобой? Почему спрашиваю? Да мы же условились встретиться в восемь с четвертью... Сейчас? Да уже девять. Ах, ты думала, что опоздаешь только на пять минуточек... Я совершенно промок, и вообще... Ну ладно, ладно, не обижайся. Конечно, жду!»

А его могли просто-напросто арестовать. Пришли поздно ночью и забрали. И он, понятно, не успел никого предупредить. А я сейчас пойду на место встречи и там никого. Подожду час, другой... Нет, не пришел... И никогда не придет.

От этого предположения мне просто холодно стало, и я большими глотками допил остывший горьковатый кофе. Ведь может случиться все именно так, как я себе представил. Ясно, может. Что же мне тогда делать? Марки в тощем бумажнике Даниэля Дегрена неизбежно кончатся, платить за «превосходный» номер в «Баварии» нечем, пожрать не на что, и вообще — труба. Не могу же я заявиться прямо в дом Карла Либкнехта или, и того чище, в Советское полпредство. А что можно? Ну что? Что? Что?..

Обер топтался возле моего столика и деликатно помахивал полотенцем, стряхивал несуществующие крошки. Я заплатил по счету и дал на чай небольшую медную монетку. Обер сделал вид, что страшно обрадовался и с удесятеренной энергией замахал полотенцем.

За соседним столиком два молодых человека в клетчатых пиджаках пили пиво. Им было хорошо и уютно в этом маленьком ресторанчике, где, по всей вероятности, они и назначили свою встречу. А мне надо было отправляться в Нидершенхаузен и искать там маленькую табачную лавку Густава Болле на углу Бланкенбургерштрассе, как раз наискосок от кирки. И один аллах знает, ждет ли он меня там!

Трамвай протасил меня чуть не через весь город, и все же я приехал на сорок минут раньше назначенного срока.

Сразу же нашел лавку Болле — окно было заставлено бутылками с яркими этикетками: ром, шнапс, ликеры, вина — вперемешку с пирамидами коробок с сигаретами и раскрытыми ящиками с сигарами всех размеров, от скруток не толще мизинца до чудовищ с добрую берлинскую сардельку.

Как и подобает опытному конспиратору, я только прошел мимо лавчонки и тотчас же перебрался на другую сторону улицы и зашагал как ни в чем не бывало по направлению к кирке. Пришлось даже напустить на себя «божественное» настроение и тщательно осмотреть мрачное кирпичное сооружение как снаружи, так и внутри. Времени-то у меня оставалось с избытком! Ну, а когда часы показали три, я уже переступал порог табачной лавки.

Сперва мне показалось, что, кроме хозяина, сидевшего за прилавком с «Берлинертагблад», в полутемной комнате нет ни души.

Хозяин или, может быть, приказчик, отложил газету, снял очки и любезно осведомился, что мне угодно. И тут-то я увидел еще одного покупателя. Он стоял в дальнем углу спиной ко мне и рассматривал этикетки бутылок.

— Есть ли у вас французские сигареты «Голуаз-бле»? — спросил я, пожалуй, чересчур громко.

— Ты, я вижу, предпочитаешь черный табак, дружище? — воскликнул покупатель и повернулся в мою сторону. Он сказал именно те слова, которые я должен был услышать и которые я так хотел, ах, как хотел, услышать. — Сервус, Даниэль. Ты точен, как хронометр моего дедушки.

— Значит, дождался друга, — сказал продавец и выбросил на прилавок темно-голубую пачку. — Извольте, но я бы не рекомендовал... Дерет горло и без тонкого аромата.

— Ладно, папаша Болле, он задумается над твоим советом. Плати и пойдем. Меня зовут Хорст.

Мы вышли. Нудный дождь, встретивший меня в Берлине, перестал, облака поднялись, и кое-где появились голубые просветы.

После встречи с Хорстом я не чувствовал себя ни щепкой, которой играют морские волны, ни кустарем-одиночкой, могущим рассчитывать лишь на собственную предприимчивость и энергию. Теперь я был членом многочисленного и боевого коллектива моих собратьев по идее. И хотя пока что я виделся только с Хорстом, утвердилось ощущение, будто за каждым моим шагом наблюдают десятки пар внимательных добрых глаз. Оступлюсь — поддержат. Потеряю дорогу — выведут.

Несколько дней спустя Хорст повел меня в клуб.

Мы вышли на Лангештрассе, прошли два квартала и остановились перед пивной с завлекательным названием «Цветущая фиалка».

— Вот и клуб, — подмигнул мне Хорст.

Пивная как пивная. Под низким, сводчатым потолком дымно, накурено. Много народа. Глухо постукивают тяжелые кружки. Шипит желтая, пенистая струя. Над стойкой, на почерневших от времени полках старинные глиняные и фарфоровые кружки с крышечками и без оных. Со стены ветвятся непременные олени рога. Папаша Браун с неожиданно смоляной, будто приклеенной, борожкой ловко наполняет кружки, гремит медяками, перебрасывается шутками с посетителями. На нас — ноль внимания. Нечего сказать, хорошенький клубик!

— А где же Руди?

— Идем, идем...

Мы проходим через всю комнату, попадаем в другую, полутемную, где громоздятся здоровущие бочки и в нос еще сильнее бьет хмелем и кислотой, Хорст толкает узкую дверь и... я попадаю на сбор пионерского отряда. Вот уж чего не ожидал! Все как полагается. Человек пятнадцать ребят в красных галстуках окружили невысокого стройного юношу, тоже в повязанном красном платке. Но лишь только скрипнула дверь, карие, голубые, серые и черные глаза с любопытством и ожиданием впииваются в меня и Хорста. И тут я не выдерживаю. Рука сама взлетает над головой и я бодро гаркаю:

— Зайт берайт!

— Аллес берайт! — вскакивая со скамеек, довольно дружно кричат в ответ пионеры.

Ну что за дубина!.. Увидел своих любимых пионерчиков и забыл о конспирации.

Хорст прямо давится от хохота.

— Грета знала, с кем тебя свести!

Подходит вожатый. Все его тонкое подвижное лицо распускается в доброй улыбке. Зеленовато-карие глаза весело поблескивают.

— Здравствуй, Даниэль. Я Руди «Киндер-бюро».

Мы стискиваем друг другу руки. Ого! У Руди железное пожатие.

— Ты тут посиди немного. Я проведу сбор группы и буду в полном твоём распоряжении.

— Ну, а я вам больше не нужен, — вмешивается Хорст. — Вы отлично договоритесь.

— А как ты думаешь! Так устраивайся, Даниэль, и не скучай... Или, может, хочешь пойти туда и пропустить кружечку пива?

— Нет, я лучше посижу здесь.

И все же это — клуб. Квадратная светлая комната. На стенах, вместо полок с расписными пазухами кружками, три портрета: Ленина, Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Рамки портретов старательно украшены красным шелком. Столы сдвинуты к стенам, так что в центре комнаты свободная площадка.

— Так что же все-таки у вас произошло? — спрашивает Руди. — Говори ты, Эрвин.

— Это становится просто невыносимым, Руди, — говорит аккуратный черноволосый мальчуган. — Бегемот вчера так обработал руки Михелю-Коротышке, что они распухли и он даже пальцами не может шевелить. Бегемоту, понимаешь, взбрело в голову, будто Михель плевал на сапог Руперту.

— А, быть может, он действительно плевал? — задумчиво осведомляется Руди.

— Чепуха какая! Просто у Коротышки болел зуб. И потом ты же знаешь нашего Бегемота. Он орудует железной линейкой.

— Эрвину тоже досталось. По голове! — вмешивается остроносый мальчишка в очках.

— А тебе за что?

Эрвин пренебрежительно махнул рукой.

— Совсем не больно! Он хотел стукнуть меня по макушке, но линейка скользнула, и удар пришелся по плечу. Только и всего.

— Господин Ридель тоже дерется. Он выкручивает уши, а потом еще ябедничает Бегемоту. Так что получается двойная трепка.

— Ну, и что вы предлагаете?

— Мы ничего не можем предложить, Руди, — разводит руками Эрвин. — Только, понимаешь, только мы не хотим больше терпеть.

— Но вы же спартаковцы, а не неорганизованные ребята. Ищите выход.

Девочка постарше, с явным ужасом слушавшая рассказ Эрвина — в их гимназии учителя только шипят и ставят черную отметку за поведение — вносит предложение:

— Если бы ты, Руди, пошел в их школу и сам поговорил с учителями!

— Ох, какая ты смешная! — восклицает Эрвин. — Так они и послушаются Руди. Держи карман!

— Выкрасть и куда-нибудь забросить линейку Бегемота! — вдохновенно предлагает кто-то из ребят.

— Он возьмет другую, потяжелее. Что мы выиграем?

— Тогда надо обратиться в совет родителей. Пусть Руди выступит и расскажет им все как есть.

Эрвин чешет затылок.

— Мой папа поклялся сделать из меня человека! И ремень у него — ого, какой! Как бы не было хуже.

— И это все, что вы можете придумать? — недовольно спрашивает Руди.

— Ну, скажи сам! Ведь ты уже что-то придумал!

— Постойте. Как поступают рабочие, если на их предприятии хозяин и его администраторы начинают наступать на ноги?

— Забастовка! Забастовка! — завопили ребята.

— Правильно, Руди!

— Мы тоже объявим забастовку!

— Сговоримся и не пойдем в школу...

— Внимание! — В голосе Руди зазвучал металл. — Давайте говорить серьезно: вы не пойдете в школу, ну, день, два... А дальше? Чего вы этим добьетесь?

И опять унылое молчание. Ребята переглядывались, пожимали плечами. С их только что возбужденных, покрасневших лиц точно слиняла краска.

— Забастовка — всегда крайняя мера. К ней надо хорошенько подготовиться.

Пауза. Все смотрят на Руди как на волшебника.

— Но ведь есть «Роте фане»¹, в которую рабочие могут написать о безобразиях, творящихся у них на заводе, — продолжает он.

— Ага! Мы напишем про Бегемота в «Троммель»² и карикатуру на него нарисуем... Я первый это придумал, я, я, я! — закричал остроносенький пионер, вскочил со скамейки и завертелся волчком.

— Решено. Это сделаешь ты, Пауль.

— Но я не умею писать статьи... Уж лучше Эрвин, — испуганно пискнул Пауль.

— Работы хватит всем! Кроме корреспонденции в «Троммель», я предлагаю выпускать собственную школьную газету.

— Такую же, как ту, что мы делаем для дяди Брауна?

— Думаю, что стенная газета не подойдет, — возразил Руди. — Ее просто сорвет тот же Бегемот. Маленький листочек тонкой бумаги в сотне экземпляров. Что вы на это скажете, ребята?!

Тут же была выбрана редколлегия и распределены обязанности. Газету решили назвать совсем просто «Андреасшуле» — по названию школы. Против этого названия возражал один Пауль. Он полагал, что газета

¹ «Rote Fahne» («Красное знамя») — ежедневная газета, ЦО Коммунистической партии Германии.

² «Trommel» («Барaban») — газета детской коммунистической организации Германии.

должна носить таинственное и устрашающее название «Красная рука».

После этого сбор группы пошел по привычному руслу. Пионеры выстроились в центре комнаты и для разрядки проделали комплекс вольных упражнений. Руди, как видно, был отличным спортсменом. Его движениям, отточенным и изящным, мог бы позавидовать первоклассный гимнаст.

Я сидел как на иголках. Хотелось нырнуть в гущу этих великолепных ребят и пустить с ними хорошую, пионерскую ракету: «Бум, пионер! Бум, пионер! Бум, пионер!» Хотелось рассказать им, что в Советской стране нет и не может быть учителей-палочников, что стенные газеты, выпускаемые пионерскими форпостами, являются гордостью и украшением школы.

Да и ребятам, видно, не терпелось узнать, что за дядя в буржуйской фетровой шляпе явился к ним на сбор. Но они только исподволь метали в мою сторону острые, как стрелки, любопытные взгляды. Наверное, привыкли не спрашивать ничего лишнего и не совать нос куда не следует. Как-никак — капиталистическая страна.

Руди сделал короткую информацию о текущем моменте. Приближался праздник 1 Мая и, значит, хлопот у пионеров — полон рот. Руди явно торопился и все чаще поглядывал на часы.

— Теперь споем, — скомандовал он наконец. — Пионерский марш.

И шестнадцать звонких ребячьих голосов и несильный баритон Руди взметнули к сводчатому потолку комнаты чуть трепещущее пламя пионерского костра. И не было больше за окнами чужого огромного города — костер пылал на берегу Оки и трещали сухие сосновые ветки, а черные прямые сосны, стоявшие вокруг, вспыхивали румянцем и в темной, как небо, водной глади пламенел второй костер и гасил разбросанные кругом зеленые пятнышки звезд.

Werft, Pioniere, Brand in die Nächte,
Wir sind die Erben der Arbeiterrechte.
Bald kommt die frohe, lichtvolle Zeit:
Wir Pioniere sind immer bereit!

«Взвейтесь кострами, синие ночи...» У меня холодок побежал по спине, а сердцу стало так жарко, что я чуть не заревел, честное слово!

А они запели своего любимого «Маленького барабанщика», а потом мне не известную про «министра Карла Зеверинга и строительство броненосца «А».

Отсалютовав Руди и мне, ребята ушли.

Никто из них не снял с себя и не засунул в карман красный галстук.

— Прости, пожалуйста, но я должен был провести сбор, — сказал Руди. — У нас очень плохо с помещением. Тут проводятся и партийные собрания, и комсомольские... Ну и Красные фронтовики¹ тоже здесь собираются. Так что расписан каждый час.

— Замечательные у тебя ребята!

Он вспыхнул от удовольствия, точно я похвалил его невесту.

У него свисток. Он надувает щеки и свистит изо всех сил. Дог рычит и поднимается на задние лапы.

Я пытаюсь объяснить, что мы вовсе не подрываем престиж правительства Мюллера, а всего лишь собираем деньги на оздоровительное мероприятие. Куда там! «Если ты сейчас же не замолчишь, я спущу на тебя своего пса!» Веселенькая перспектива! Но мне надо во что бы то ни стало увести из дома ребят, а я и сам в плену. Каково?! И тут в дело вме-

— Ну, сегодня-то они себя почти не показали. А вот на днях, когда мы собирали деньги на лагерь... Представь себе, мы штурмом взяли дом одного буржуя... Вошли во двор, Эрвин ударил в барабан. Пауль затрубил в горн, изо всех окон стали выглядывать жильцы. Я прокричал короткую речь. Что, мол, собираем деньги для того, чтобы укрепить здоровье детей рабочих. Ну, ребята разбежались по лестницам с копилками и подписными листами. И тут в игру вступает домовладелец. Выводит на поводке здорового, свирепого дога и отрезает тыл — становится возле калитки. Ругается, как разбуженный пожарник, и клянется, что вот сейчас передаст всех «красных попрошаек» в руки полиции.

¹ «Roter Frontkämpferbund» («Союз красных фронтовиков») — революционная массовая организация германских рабочих, руководимая Коммунистической партией.

шиваются наши девчата. Они, видишь ли, пикетируют на улице перед домом. Мгновенно разобравшись в обстановке, они поднимают страшнейший крик. Что-то вроде: «Караул! Помогите!» Собирается народ. «Он натравил на нас свою собаку», — жалуются девочки. «Ах, ты, проклятый буржуй! Кто дал тебе право издеваться над детьми?» Толстяк вынужден перейти к самозащите. Он оправдывается, а дог все больше свирепеет и вырывается из рук. И вот уже домовладелец за калиткой... Путь свободен! Я оббегаю лестницы и вывожу ребят. Проскальзываем мимо толстяка — ему уже не до нас, лишь бы отбиться от наседающих разгоряченных женщин. Выстраиваемся прямо против дома. Воинственно трубит горн. Сбор на лагерь превзошел все ожидания. Мы поем «Маленького барабанщика» и под дробь барабана покидаем поле сражения. Ну как, ловко получилось?!

После расстрела первомайской демонстрации и запрещения Союза красных фронтовиков Центральный Комитет комсомола решил провести демонстрации протеста.

Наш план, довольно хитро разработанный, выглядел так: комсомольцы небольшими группами рассеиваются по всему Берлину и ровно в пять часов пополудни сразу в десятках самых многолюдных мест проводят короткие демонстрации. Полиции, естественно, придется туговато. Она окажется в положении пожарной команды, узнавшей, что город подожжен одновременно со всех концов. Вот и попробуй-ка разберись, где главный очаг пожара.

Организация одной из таких демонстраций поручена была Руди, и я решил насесть на моего друга и вырвать из него согласие на мое участие в демонстрации.

Когда наступила решающая ночь и мы с Руди, поужинав, ушли в свою комнату, я начал подготовку к «штурму».

— Ты здорово хочешь спать?

— Совсем не хочу.

— Я вот все думаю, как у нас завтра получится.

— Будь спокоен, Митя. Тактика «полицайфлитеров»¹.

— То есть как это?

Руди негромко хохотнул.

— Очень просто. «Полицайфлитеры» рассчитаны на быстроту и неожиданность. Вот и мы будем так действовать.

— И ты ни капли не волнуешься?

— Знаешь, отвечать только за свою жизнь просто, а вот за жизнь других... Ведь должно собраться не менее восьмидесяти ребят.

— Руди...

— ?

— Руди...

— Нет. Я готов сделать для тебя все. Но только не это.

Я сорвался со своей раскладушки, перебежал комнату и сел на кровать Руди. Положил ладонь на его гладкое горячее плечо.

— Забудь, что я Дегрен, Руди. Для тебя я только Митька Муромцев.

— Оставь! Именно потому, что ты не настоящий Дегрен, я и говорю — нет.

— Да, а не нет! Да, Руди, да! — Я теребил его за плечо. — Если ты мой настоящий друг!!! Он ногами отшвырнул перину, сел и приблизил свое лицо к моему.

— Ты сомневаешься?

В зыбком свете звезд и ночных фонарей,

проникающем сквозь окно, лицо Руди исказила растерянно-горькая усмешка.

— А ты не заставляй сомневаться! Нет, стой! Я знаю все твои возражения. Вы бережете меня, точно какую-нибудь розу. Это черт знает что! Поставь только себя на мое место. Интересно, как бы ты сам тогда запел!

— Я отвечаю за тебя головой!

— Ты же сам сказал — отвечать за одного очень просто.

— За себя, а не за другого! И я отвечаю за тебя своим партийным билетом.

— Ничего не случится. Я только пойду с вами и посмотрю. И я бы никогда не отказал тебе в такой просьбе... Ну что молчишь? Загляни-ка в свое сердце и спроси у него совета.

— Оно говорит «да», но вот тут... — Руди постукал пальцем по виску. — Тут крепко сидит указание Бленкле¹.

— Но Конрад никогда не узнает! И потом, вот что: я же могу сделать все это сам. Присоединиться к какой-нибудь группе и — ищи ветра в поле.

— При чем ветер?

— Есть такая русская поговорка. Но не в этом дело... Пойми, что мне неохота поступить, как анархисту. Лучше давай договоримся.

Он передернул плечами и долго не отвечал.

— Ну?

— Дай мне слово, что не полезешь в драку.

— Железное комсомольское, — радостно загремел я.

— Не кричи так. Родители подумают, что мы перессорились, и прибегут мирить.

— Мы с тобой никогда не поссоримся. — Я обнял Руди за шею и на мгновение прижался щекой к его щеке. — Значит, договорились!

— Да, договорились. — Руди говорил медленно, что-то обдумывая и взвешивая. — Договорились, что ты пойдешь вместе с девушками. У них — особое задание: вести разведку и наблюдать. И ты уже дал мне честное слово...

Удар в левую реберную дугу — аж дыхание перехватило! Такого коварства я от Руди не ожидал! С девчонками! Попробовал возражать, настаивать, но Руди превратился в гранитную скалу.

— Пожалуйста, оставь меня в покое. Ты же сам сказал, что хочешь посмотреть. Вот и посмотришь. И пора, наконец, спать. Мы проболтали полночи.

¹ Polizeiflitzer — полицейский автомобиль.

¹ Конрад Бленкле — секретарь ЦК комсомола Германии.

На другой день, к пяти часам, вся наша группа собралась на углу Франкфуртералле и Вайденвештрассе.

Это очень оживленное место. Со всех сторон высятся угрюмые многоквартирные дома с проходными дворами, тесно застроенными флигелями. Отличная обстановка для игры в «казачки-разбойники!» Попробуй-ка, отыщи разбойника в одном из этих дворов с его закоулками и неожиданно открывающимися переходами, в которых, как в трубе, свистит и хлещет то в лицо, то в затылок сконцентрированный ветер.

Я прогуливался по тротуару с Катей Нидеркирхнер — дочерью старого партийного бойца. Чуть позади шли еще несколько наших девчат. Они щебетали, громко смеялись — может быть, чуть громче обычного, и зорко оглядывались по сторонам.

В густых встречных потоках прохожих я пытался обнаружить единственное знакомое мне лицо — пышные темно-каштановые волосы, веселые зеленоватые глаза, небольшой четко вылепленный подбородок Руди Штала.

— Руди еще не пришел. Это странно.

— Ты ошибаешься. «Киндербюро» давно давно здесь, — возразила Катя.

— Но я его не вижу.

— Ну, плохим бы он был конспиратором, если бы не сумел хорошенько спрятаться. Все наши ребята на месте и сейчас...

Раздался пронзительный лихой свист.

С тротуаров на мостовую сбежали парни. Один, другой, третий... десятый... Мгновенно построились по трое в ряд. И тут я увидел Руди, как всегда в рубашке а-ля Шиллер, но без пионерского платка. «Быстрее, товарищи, быстрее!» — торопил он. Потом поднял руку. И, словно повинувшись жесту фокусника, точно сотворенное из воздуха, над первой тройкой взлетело небольшое красное знамя. Руди опять поднял руку, и над колонной возникли транспаранты: «Долой запрещение Рот фронта!», «Позор Цергибелю!», «Свободную улицу рабочему классу!»

— Вперед! — скомандовал Руди.

Колонна двинулась.

— Ну, идем же, идем! — торопила меня Катя.

Люди на тротуарах останавливались. Их становилось все больше и больше. Будто дома встрясали людей из своего чрева.

Я не различал выкриков и восклицаний. Все мое внимание было сосредоточено на марширующей группе комсомольцев, на небольшом красном знамени, там, впереди. Я слышал только неясный многоголосый гул. И он становился все громче. Точно вся Франкфуртер-

аллее скандировала: «Мо-лод-цы! Мо-лод-цы!» Некоторые сходили с тротуаров и шагали вслед за нашими ребятами. Тут Руди еще раз взмахнул рукой. Запели «Клейнер Тромпетер», «Маленького барабанщика».

— Как все здорово получилось!

Сияющая Катя кивает головой:

— «Киндербюро» — отличный организатор.

А полиции пока что не видно. Нелегко тушить пожар, когда пламя вспыхивает одновременно в десятках мест. Эх, черт, вот и сглазил.

— Внимание! Полиция! — звонко на всю улицу кричит Катя.

Синий юркий «полицайфлитер» под угрожающий вой сирены обгоняет комсомольскую колонну справа, разворачивается и, взвизгнув тормозами, загораживает своим лакированным боком путь демонстрантам.

Пять шупо, выскочив из машины, бросились на ребят.

— Назад!

— Расходитесь!

— Немедленно!

Они орут надсадными грубыми голосами! Получается: «Гав-гав-гав!»

Колонна остановилась. Начинает таять с хвоста! Это присоединившиеся из тех, кто стоял на тротуарах, вновь занимают позиции наблюдателей.

— Гав!

— Гав!

— Гав!!

Ломаются тройки. Еще немного и под напором полицейских колонна превратится в толпу. Да что же это! Ведь полицейских пятеро, а наших ребят — восемьдесят. Неужели струсили?

И опять Катя Нидеркирхнер, встав на цыпочки, напрягшись, как струна, кричит:

— Мальчики, стыдно! Их только пять.

И девчата, что шли позади нас и так естественно громко смеялись, швыряют в демонстрантов целую горсть насмешек.

— Беги к маме, Фриц!

— Эй, Эрих, не потеряй штанов!

— Я думала, что ты мужчина, Густав!

— Девочки, они ждут нашей помощи!

И опять Катя:

— Будьте бойцами, друзья!

Ох, не хотелось бы мне быть на месте этих густавов и фрицев. И я вырываю руку из цепких пальцев Кати Нидеркирхнер.

— Постой! И без тебя справятся! — кричит она.

И пока я пробегаю, расталкивая зрителей, эти пять-шесть шагов, нашпигованные насмеш-

ками ребята знатно расправляются с полицейскими. Их стискивают, поглощают на мгновение и тут же выбрасывают на тротуар. Но в каком виде! Без касок, без поясных ремней, без пистолетов, без резиновых дубинок. Это уже бывшие полицейские. Под хохот и улюлюканье толпы они торопливо отступают к своему автомобилю. Двое передвигаются на карачках, изрядно затрудняя завершение «тактического маневра».

Опять предупреждающий крик Кати Нидеркирхнер.

Опять вой сирены и шарканье тормозов. Полиция!

Но только не юркий «полицайфлитер», а целый грузовик. Отвалилась боковая стенка, и шупо посыпались на мостовую, человек двадцать-двадцать пять.

Никаких предупреждений. Наступают неторопливо, двумя тесными рядами. Вот теперь

А я наконец добираюсь до Руди.

Он смотрит на меня немного ошалело.

— Видал, как мы их?..

Замечаю, что пистолеты и дубинки полицейских уже в рукавах пиджаков новых владельцев. Наступаю на полицейскую каску, она трещит, как спелый арбуз.

А ребята опять построились по трое и скандируют:

«До-лой Цер-ги-бе-ля! Рот фронт! Рот фронт! Рот фронт!»

И я тоже кричу: «Рот фронт!» — потому что стою во второй тройке и никто уже не вырвет меня оттуда.

«Полицайфлитер», круто развернувшись, медленно отползает, как смертельно раненный носорог. Мы не обращаем на него внимания. Мы упоены победой, выкрикиваем лозунги, поем, шутим, смеемся.

Но уже кто-то из доброхотов, а может быть, штатный шпик, запрятанный в стандартный пиджак, сообщил в полицейское управление о происшедшем.

разгорится настоящее сражение. Теперь держись, ребята!

Свист, как пуля, пронзает воздух. И уже нет никакой колонны. Вокруг меня пустота. Впереди только полицейские. Нет, еще и наш знаменосец. Невысокий паренек в белой рубашке. Он пытается сорвать полотнище с палки. Не успел! Здоровенный детина в синем мундире хватает его за грудь и бьет по голове дубинкой. Знаменосец даже не пытается закрыть руками — ведь у него в руках знамя! Я делаю шаг вперед, еще один и бью крюком справа в крутой, подпернутый вверх лакированным ремешком полицейский подбородок. Падает, как подрубленный. С двумя, конечно, труднее. Сильный тупой удар по плечу. Тяжелеет правая рука. Я бью левой — раз, раз — в лицо и ухожу нырком от бешеного удара дубинки. Краем глаза вижу, что знаменосец уже исчез. Отступаю. Меня хватают за локоть. Обдает жаркое и мерзкое дыхание. Вырываюсь, бью в эти гнилые зубы. Удар по голове. Звон в ушах. Прыгают зеленые и алые звездочки.

Должно быть, мне крышка. «Даниэль... Даниэль... Даниэль...» Это где-то наверху. А у меня под щекой холодный и мокрый камень. Кто-то встряхивает меня, как мешок. А я даже глаз не могу открыть... Рвут, растягивают, дергают... «Даниэль... Даниэль... Даниэль!»

И еще какие-то восклицания, топот ног, шмякающие звуки ударов. Теперь меня хватают под руки, подпихивают в спину, тащат, почти несут... Я вяло отбиваюсь. Кажется, что голова пухнет — того и гляди, лопнет. Если бы освободить руку... «Даниэль... Даниэль...» Полицейские не могут знать моего имени. Кто же тогда меня тащит?

Струя сильного свежего ветра. Резко запахло плесенью и асфальтом. Неимоверным усилием раздираю веки. Над головой — аспидный свод тоннеля.

— Пустите! Что вам надо?

— Идем, идем... Все в порядке.

Знакомый голос... Неужели... С трудом поворачиваю голову. Так и есть, Руди. Лицо его двойится, троеится, но рука, обнимающая меня за пояс, твердая и такая ласковая...

— Как там все... ребята? Знамя?

— Все хорошо. Идем. Можешь чуть быстрее?

Да, кажется, могу.

И вот мы уже на какой-то узкой пустынной улице. Кроме Руди, со мной еще два парня.

— Уф, вытащили! — облегченно вздыхает Руди.

— Что у меня с головой?

— Здоровенная шишка. Можешь пощупать.

Шупаю. Справа, чуть повыше лба выросла груша «дюшес». А ладонь и пальцы левой руки в крови.

— Откуда кровь?

— Спроси шупо, которому ты расквасил морду. Ну, и здоров же ты драться! — с явным восхищением восклицает Руди.

Оба незнакомых парня смотрят на меня влюбленными глазами. «Вот и пригодился бокс, а вы смеялись», — обращаюсь я мысленно к Хитарову и Вартаняну. Нет, бокс неплохая штука!

— В общем, уложил двоих, а третьему дал здоровенную зуботычину, — продолжает Руди. — И ты молодец — знамя отбил!

Мне хочется быть самым скромным в мире.

— Ну, подумаешь. Все дело в реакции. Я же занимался боксом.

— Доберемся до дома, отмоешься, сделаем тебе примочку. На ногах-то стоишь?

Руди все же поддерживает меня под руку.

— Вполне. Только в голове гудит. А ребята все целы?

— Ну, как сказать, без шишек и синяков дело не обошлось. Но это пустяки. Хуже другое... — Руди хмурится и умолкает.

— Что случилось? Да говори же, не тяни!

— Они забрали Курта, Эриха и Вольфа младшего. Когда мы отбивали тебя...

Все понятно. А я-то, словно индюк, раздулся от гордости. Герой, непобедимый боец и все такое прочее! Теперь стыдно Руди в глаза глядеть.

— И что с ними будет?

— Подержат в полиции. Могут намять бока. Неприятно, конечно, но это стойкие парни. Стоп! Тебе опять плохо, Даниэль?

— Нет, нет... Но, понимаешь, Руди, из-за меня... Черт! До чего же паршиво...

— Во-первых, не только из-за тебя. Отбивали знамя, — деликатно поправляет мое настроение Руди. — Во-вторых... Сам подумай, арест Даниэля Дегрена — куда более скверная штука. Этого нельзя было допустить.

И ни одного упрека, что я не сдержал данного ему слова.

— Ты на меня не злишься?

— Вот чудак! Да за что?

— Ладно. Только когда пойдешь в ЦК, не говори, что я... ну, словом, сцепился с полицейскими. Скажи, что у меня жар, простудился, что ли...

— Хорошо.

— Даешь слово?

— Железное комсомольское, — говорит Руди и хитро подмигивает.

Он настоящий друг, этот Руди «Киндер-бюро».

ДОБРАЯ РАКОВИНА

СКАЗКА

С. Воронин

Рисунки Н. Еустова

В бурю море становилось злым, черным. Ветер подымал на нем высокие волны, такие высокие, что они даже закрывали солнце. Волны неслись к берегу и выбрасывали на песок, на камни длинные водоросли, неосторожных рыб, измученных прибоем крабов и множество красивых маленьких ракушек. Иногда море выбрасывало и чудесные большие раковины. Но это случалось очень редко. По крайней мере, Грише еще ни разу не посчастливилось найти такую раковину.

Уже больше недели на море свирепствовал ветер. Волны изо всех сил били в берег. Но постепенно он затих, и море успокоилось. Гладкое, оно сверкало на солнце, похожее на громадное зеркало.

— Что же ты сегодня мне подаришь? — спросил Гриша у моря. — Хорошо бы большую раковину.

Ему не раз говорил отец, что если приложить такую раковину к уху, то можно услышать шум волн. И если даже уехать далеко-далеко от моря, все равно в раковине будет шум моря.

— Шш-ши-ши... Шш-ши-ши, — ответило море шелестом волн.

— Ага, — догадался Гриша, — ты говоришь: «Ищи... ищи... ищи». Хорошо, я буду искать. — И он пошел по берегу, внимательно глядяваясь во все, что выбросило в бурю разгневанное море. Но сколько он ни шел, раковины все не попадались. Он устал, сел на большой плоский камень и стал смотреть в море.

Вдоль берега на быстроходной лодке мчался мальчуган. Он был немногим старше Гриши.

— Возьми меня покатайся! — крикнул Гриша.

Но мальчуган даже и не посмотрел на него. И лодка пролетела мимо.

Гриша опустил голову и увидел у своих ног большую чудесную раковину. Она вся была из розового перламутра и светилась так, будто в ней горела лампочка.

Не веря глазам, Гриша бережно взял ее обеими руками и поднес к уху. И раковина сразу же загудела. В ее шуме слышался вой ветра, плеск волн и свист парусов. И тут же Гриша увидел мчащийся по морю корабль. На его мачте развевался черный флаг. На носу корабля стоял одноглазый пират. За поясом у него торчали пистолеты и кривые кинжалы.

И как это получилось, Гриша не мог понять, но он оказался на этом корабле. И увидел в трюме связанную по рукам и ногам плачущую девушку. Она звала на помощь.

— Как мне помочь тебе? — спросил ее Гриша.

— Дай мне раковину, — ответила девушка.

Грише не хотелось расставаться с раковиной, но очень жаль было девушку, и он отдал раковину. И тут же девушка превратилась в птицу и улетела. И как только улетела — все исчезло. И Гриша увидел, что стоит на берегу и держит в руках чудесную раковину.

«Что это такое?» — удивленно подумал он и приложил раковину снова к уху. И опять зашумела она, стала даже гудеть. И Гриша увидел на море военный корабль и на капитанском мостике молодого капитана. И тут же увидел фашистскую подводную лодку. И понял, что сейчас фашисты выпустят торпеду и наше судно погибнет. И как только он это понял, то сразу же оказался рядом с капитаном.

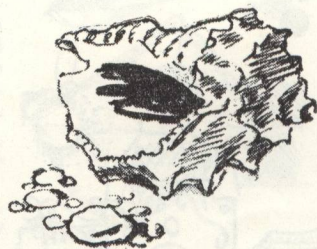
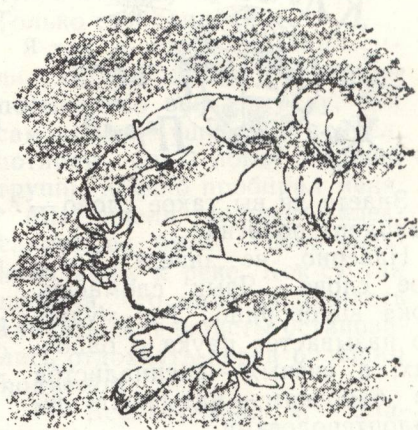
— Чем я могу помочь? — крикнул Гриша капитану.

— Если бросишь раковину в море, фашисты погибнут и мы будем спасены! — ответил капитан.

— Хорошо! — ответил Гриша и уже замахнулся, как вдруг увидел подплывающую к берегу быстроходную лодку.

— Э, да у тебя раковина! — закричал мальчуган, хозяин лодки. — Если отдашь мне ее, то я тебя покатаю. Давай раковину и садись!

«А как же капитан? — подумал Гриша. — Если я не помогу ему, то фашисты погубят судно!» И уже больше ни секунды не медля, он сильно размахнулся и бросил раковину. Она вспыхнула на солнце, как лампочка, и тут же утонула.

А Я СОБИРАЮ БАБОЧЕК!

Лев Стекольников

Знаете ли вы такое слово — лепидоптерология?

Наверно, не знаете. Трудное слово. Язык сломаешь, пока выговоришь. Так мудрено называется наука о бабочках, а ученых — специалистов по бабочкам — называют лепидоптерологами...

Наука о бабочках! Да стоят ли они того, чтобы целую науку о них заводить?

Среди бабочек есть много наших верных друзей и наших заклятых врагов. Друзья-бабочки дают нам шелк, опыляют полезные растения, оживляют и украшают своими прекрасными крыльями сады и поля, леса и горы. А бабочки-враги портят наши посевы, губят сады и леса.

Посмотрит на бабочку климатолог и воскликнет: «Вот еще одно доказательство, что

Арктика теплеет: южные бабочки передвигаются на север».

Посмотрит авиаконструктор: «Надо создать летательный аппарат с машущими крыльями. Самолет-бабочку».

Посмотрит художник и обрадуется: «Какой чудесный рисунок! Надо использовать его для раскраски тканей».

Бабочек много. 130000 видов разных бабочек! А ученых, изучающих их, мало. У нас в Советском Союзе лепидоптерологов можно по пальцам перечесть. Как же справляются ученые с таким количеством объектов?

Дело в том, что бабочками занимается много любителей-лепидоптерологов. Тут и старики-пенсионеры, и юные натуралисты, люди всех возрастов и профессий.

Вот и я, топограф по образованию и писатель по занятиям, уже сорок лет собираю бабочек. У меня большая кол-

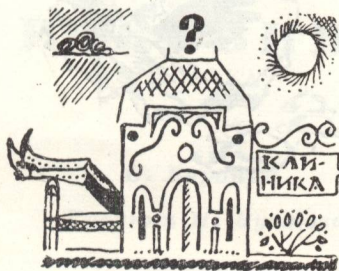
лекция: несколько тысяч бабочек сидит под стеклом в больших ящиках. Под каждой на булавке этикетка — маленький кусочек плотной бумаги, на которой мелко-мелко написано название места лова и дата поимки. Этикетка и придает бабочке научную ценность. Это ее паспорт. Без этикетки, как бы красива бабочка ни была, ею не заинтересуются ученые.

Мальчиком я мечтал поймать новый, никому не известный вид бабочки, дать ей имя, прославиться. Позже я узнал, что найти в Европе новый вид бабочки уже невозможно. Все описаны. А вот в центральной Африке, в джунглях острова Ява или Борнео, во влажных лесах Амазонки, наверно, еще летают неоткрытые бабочки, но... туда далеко ехать.

Ловля бабочек — это своеобразный спорт. Где только не приходится побывать с сачком в руках! То бредешь по мохо-

ЛОНДОН
От нашего
собственного
корреспондента

Во время ужина я спросил Холмса, почему его заинтересовали священные насекомые и птица без крыльев и какое отношение они имеют к Паганелю.

— А, пустяки, — ответил Холмс, — просто я перепутал Паганеля с одним известным собирателем насекомых и тоже большим другом месье Жюля Верна и чьим-то кузеном...

— Кузеном Бенедиктом! — воскликнул Ватсон.

— Ну да. А бескрылая птица — птица киви — символ Новой Зеландии. Совсем недавно мне сообщили, что Паганель, желая избавиться от своей новозеландской татуировки, переписывался с двумя видными хирургами. Вот я и подумал, что Паганель решил лечь в одну из клиник и не хочет, чтобы об этом кто-либо знал. Теперь-то я уверен, что это не так... Между прочим, священное насекомое — скарабей — у египтян. Обыкновенный навозный жук.

— Но перепутать Паганеля с кузеном Бенедиктом!!! Холмс, это не похоже на вас, — укоризненно сказал Ватсон.

— Бывает, — сказал Холмс. — И не делайте таких ужасных глаз, Ватсон. Вы тоже не можете знать всего. Знаете ли вы, Ватсон, что во Франции ЕСТЬ ТАКАЯ МЕСТНОСТЬ, КОТОРАЯ ДВА РАЗА В СУТКИ БЫВАЕТ ОСТРОВОМ, А ДВА РАЗА — ПОЛУОСТРОВОМ. А?

Ватсон сконфузился и замолчал. Он не знал. Впрочем, я тоже.

Холмс раскрыл записную книжку Паганеля и на первой странице, возле слова «Африка» карандашом поставил жирный минус.

вой трясине, под несмолкаемым гулом комаров, то забираться в горы, высоко-высоко, к вечным снегам. Приходилось мне ловить бабочек и в степи, и в пустыне. Были смешные происшествия, а были и опасные приключения. Вот, например, как я ловил бабочку «алексанор».

Алексанор — красивая бабочка золотисто-желтого цвета, напоминающая нашего махаона. Но наш обыкновенный махаон летает по всему Советскому Союзу, а алексанор обитает только в двух местах: южный склон Алагеза — в Армении и ущелья западных склонов Тянь-Шаня.

Чтобы попасть в ущелье, на дне которого ревет горная река Кок-су, я присоединился к группе альпинистов, идущих к вершине Чаткальского хребта. День стоял жаркий, тропа круто шла вверх, и я обливался потом, хотя на мне были только трусы и футболка. От альпенштока я отказался, мне надо было держать сачок наготове — ведь алексанор мог показаться в любую минуту.

Старший группы поглядывал на меня с тревогой, что было, конечно, обидно: я тянулся изо всех сил и не отставал, хотя дышал, как рыба, выкинутая на берег.

Алексанора все не было. Тропа пересекла чудный альпийский луг и опять свернула на каменный откос. Это было самое опасное место: круча, усыпанная острыми осколками серых камней. Внизу глухо ревели пенистая Кок-су.

— Вниз не смотреть! — командовал старший группы.

И тут я увидел алексанора. Будто золотистая птичка поднялась из пропасти и, сильно взмахивая острыми крылышками, поднималась вверх по откосу в нашу сторону.

Не знаю, поверите ли вы мне, но я в тот миг забыл все: и усталость, и жажду, и пропасть под ногами. Я видел долгожданную цель моего путешествия — алексанора.

Он летел прямо на меня. Альпинисты были так заняты трудным путем, что не видели моего отчаянного прыжка... Увы! Прыжок был бесполез-

ным. Алексанор круто свернул в сторону и дал «свечу». Только его и видели...

Я так неосторожно «приземлился», что камни с грохотом посыпались вниз, в реку, а я сам сильно ушибся и сидел, потирая бок, пока старший группы крепко пробирал меня.

Мы пошли дальше — алексанора не было. Тропа свернула вниз, к реке. Кок-су так шумела, что нам приходилось кричать. Альпинисты остановились отдохнуть перед большим подъемом.

— Все! — сказал я. — Спасибо за помощь. Я возвращаюсь.

Альпинисты удивились, но не стали меня отговаривать. Я выпил три стакана воды и заспешил в обратный путь... Да, вы угадали. Я снял на тот каменный откос, где встретил алексанора.

Вот и знакомый обрыв. Я укрепился над откосом, взял сачок наизготовку и стал ждать. Десять минут, пятнадцать... В раскаленной теснине душно, как в печи. Пот заливает глаза... Наконец-то! Я

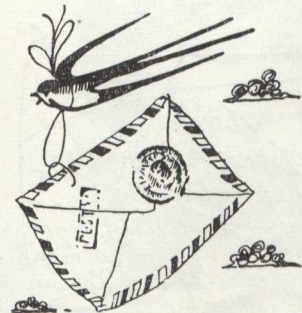
— Да-да, — сказал он, видя, что мы следим за его карандашом, — мыс Африка для меня «terra incognita» — невидимая земля.

Вторая страница много легче: Марк Твен и О'Генри, американские писатели. Это псевдонимы, а настоящие имена — Самюэль Клеменс и Уильям Сидней Портер.

Третья страница. Конечно, пролив Дрейка, разделяющий Южную Америку и Антарктиду. Френсис Дрейк действительно был человеком сомнительной репутации — пиратом английской королевы Елизаветы. Но то, что он проделал второе после Магеллана кругосветное плавание — это его настоящая заслуга моряка и путешественника. Насколько можно верить легендам, именно он завез в Европу картофель. Да и табак, между прочим, тоже...

Четвертая. Вероятно, Паганель имел в виду, что жираф нем, несмотря на большую длину своего языка.

Пятая страница. Насколько мне известно, в Древнем Риме вместо голубей для доставки спешных писем использовались обыкновенные ласточки. Еще один плюс...

махнул сачком и... ура! В кисее, как рыбка в сети, растопырив угловатые крылья, забился александр.

Потом полетел второй, третий... Я поймал пять александров, но не мог уйти. Как тут уйти, когда такая редкость летит прямо в руки. «Но почему маршрут бабочек такой постоянный? — думал я, — почему они пересекают тропу всегда в одном месте?» Я огляделся: чуть выше моего «поста» розовеет скромное растение зигофиллум. Это питающее растение александра! Вот почему он стремится сюда!

Я был счастлив: в кармане лежали редкостные бабочки. Я забыл про голод, жажду, усталость и... осторожность. И когда мой восьмой александр метнулся в сторону, я сделал резкий выпад сачком. Камень под ногой покачулся, и я упал на бок, с ужасом чувствуя, что скольжу вниз, в пропасть.

Это было, как в кошмарном сне: я прижимался всем телом к каменной стене, впивался пальцами в малейшую неров-

ность и все-таки неудержимо полз все дальше от тропинки, прямо к краю обрыва. До сих пор помню, как с сухим стуком падали потревоженные мною камни, как я слышал свое хриплое дыхание...

Меня спасла маленькая ямка: я попал в нее носком туфли. Падение (вернее, скольжение) прекратилось. Несколько минут я лежал распластанный над пропастью, набираясь сил и боясь пошевелиться, все еще не веря в свое спасение.

Медленно, ох, как медленно выползал я на тропу: руки дрожали, все тело болело, ладони кровоточили, но я все-таки сумел выбраться на безопасную площадку, вернее сказать, на тот «пяточок», где я ловил александров.

Забавно, что мой восьмой александр сидел в сачке, будто дожидался меня. Сейчас он мирно красуется в ящичке под стеклом. Я люблю смотреть на него и вспоминать свое опасное приключение.

Слух о том, что я поймал восемь александров, быстро дошел до моих друзей-собира-

телей. На вокзале в Москве меня встретил полковник авиации и сразу спросил:

— Это верно? Вы наловили александров?

— Да, — ответил я, — но мне надо в кассу, брать билет в Ленинград.

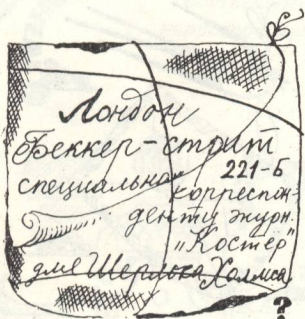
— Успеете, сперва поедем ко мне. Я вас не отпущу, пока вы мне не подарите хоть одного.

Собиратели бабочек переписываются друг с другом и обмениваются бабочками. Переписка почти всегда переходит в дружбу. Это ничего, что мы знаем друг друга только по письмам. Стоит кому-нибудь замолчать, как сразу же собиратели спрашивают друг друга: «Вы не знаете, все ли благополучно у Бориса Александровича? Я от него не имею писем вот уже месяц...»

Уж за одно то, что у меня появилось столько друзей, я благодарен бабочкам!

Примечание: если ты хочешь узнать подробнее о жизни бабочек, возьми в библиотеке книгу Л. Б. Стекольниковой «Необыкновенный махаон». Она вышла в издательстве Детгиз в 1959 году.

Рисунок на вклейке Ю. Мезерницкого и И. Ризнича.

Шестая страница. «Лермонтов, 17.05». Здесь я выкидываю белый флаг. Да, да, Ватсон. За свою практику я был побежден четыре раза: трижды мужчинами и один раз женщиной... Боюсь, что это будет мое пятое поражение... Мыс Африка и Лермонтов!

— Может быть, 17.05 — это том и страница? — попытался догадаться я. Или строка сверху и снизу, где можно прочесть то, что хотел скрыть Паганель?

— Исключается, — сказал Холмс. — Во всех французских изданиях я уже проверил, а проверять книги на других языках, все равно что считать звезды или песок на морском берегу...

Впрочем, те страницы, что мы расшифровали, ничего не дают: это обычные случайные записи в записной книжке и ничего больше...

— Что же делать?

Холмс развел руками.

В это время в прихожей позвонили. Холмс вышел и через минуту вернулся с объемистым пакетом в руках.

— Это, вероятно, вам, — сказал Холмс и передал пакет мне.

Я прочитал адрес: «Лондон, Беккер-стрит, 221-Б, корреспонденту журнала «Костер», для Шерлока Холмса».

— Нет, — сказал я, — это для вас, Холмс...

И я вернул Холмсу пакет, ощутив в руке его тяжесть.

Холмс подумал и надорвал край пакета...

СТОЛ ЗАГАДОК — 66

«Дорогая редакция!

Однажды ночью я стоял у своего домашнего террариума и услышал такой разговор:

— Я, друзья, пришел из стихов Корнея Чуковского.

— А моим другом был зато сам Маугли!

— А я помогала Буратино добыть золотой ключик!

— А я из русских народных сказок!

— Эка невидаль сказки! Да моим именем назвал свой рассказ писатель Чехов!

— А я в кино снимался! В «Зачарованных островах»!

Кто разговаривает, в темноте не было видно. Но, может быть, можно догадаться по тому, что говорилось!

На всякий случай посылаю вам запись разговора.

САША ШАМАРИН
г. Челябинск.

Спасибо, Саша, за интересное письмо! Любители загадок, — выполняйте задание своего товарища!

ОТВЕТЫ

НА

«ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО» («КОСТЕР» № 4)

1. Хоттабыч, Волька Костыльков и Иван-царевич.
2. Герои Жюль-Верна и барон Мюнхаузен.
3. Икар и Ариэль.
4. Кэйвор, Бедфорд (кейворитная тяга), Лось и Гусев (реактивная).

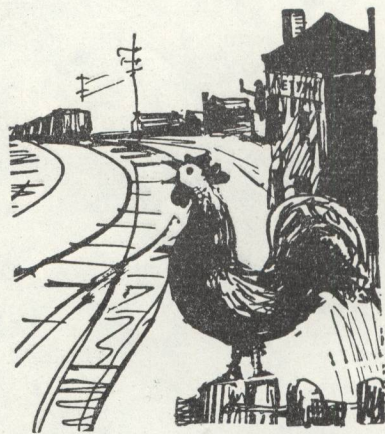
Фамилии ответивших правильно опубликуем в следующем номере «Костра».

КОСТЯ ТЕРНИН

ПЕТУХИ

Мы живем
На станции
Петухи.
Будят
На рассвете нас
Петухи.
Доверять
Привыкли мы,
Как часам,
Их
Слегка
Простуженным
голосам.

Мы живем
На станции
Петухи.
Провожают
В школу нас
Петухи.
Провожают
В школу нас
До ворот,
А потом
Встречают нас
У ворот.
Мы живем
На станции
Петухи.
Так
И называют нас:
— Петухи!..

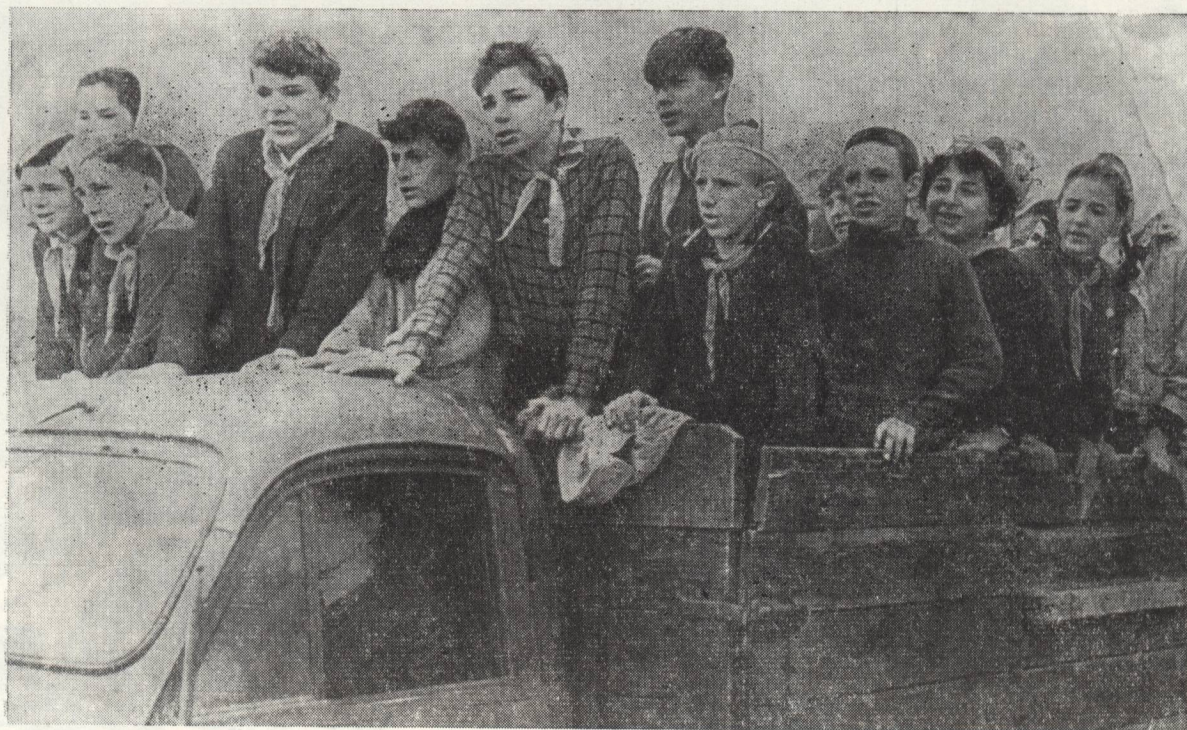
Только мы
Задирами
Не слышем,
И себя
В обиду мы
Не даем.
Мы живем
На станции
Петухи.
Маленькая
Станция —
Петухи.

Мимо нас
Пронесется
Поезда —
В самые
Различные
Города.
Поезда
Пронесется —
Добрый путь!
Заезжайте
В гости к нам
— Как-нибудь.

ПЕНЕК

Зацепившись
За пенек,
Я вскричал
От боли.
Встал и дал
Пеньку пинок:
— Что, пенек,
Доволен?!
Хоть бы что —
Молчит пенек.
Видно,
Недоволен.
Я ему —
Еще пинок.

Сам кричу
От боли.
Все равно
Пенек молчал.
Я его пинал,
Пинал.
А когда
Пинать устал,
Вытер слезы
И сказал:
— Будешь знать
Меня, пенек!
И побрел,
Не чуя ног.

ШЕСТЬ ДНЕЙ В «АЛТАЕ»

КОММУНА ЮНЫХ ФРУНЗЕНЦЕВ, короче — КЮФ. Место рождения — Фрунзенский район Ленинграда. Год рождения — 1959. Социальное происхождение — пионерское. Восемь Коммунарских отрядов в КЮФе. И «Алтай» — один из них. Специальный корреспондент «Костра» Стелла Гуревич провела в «Алтае» на летнем его сборе шесть дней.

Итак, — рассказ о тех, кто бережет гайдаровские традиции.

„АЛТАЙ“ — ОТРЯД ВЕСЕЛЫЙ. ЭТО ЯСНО С ПЕРВОГО ДНЯ

В лесу под Светогорском, где-то в углу пионерской палатки, под еловыми лапами тихо лежит забытая хранителем-оформителем «Алтая» Мариной Золотовицкой «Жалобная книга».

Жалоба № 1

От «Разнобойников». Наша команда выиграла на КВН. Нас послали мыть руки, а когда мы пришли, то «Ма-зурики» сидели с невымытыми руками. Это нечестно. Еще руки совсем невнимательно проверяют. Просим последующие дежурные команды обратить на это внимание».

«Предыдущая жалоба — проба пера».

«Приношу начальству мою жалобу на официанта Евдонкина за его грубости в отношении меня и моей

соседки по столу. Соседка моя вовсе не шумела, а напротив — старалась, чтобы все было тихо. А также и насчет одного вашего служащего, который меня грубо за плечо взял. А состою я в команде Шангиной, которая знает мое поведение и может за меня поручиться.

*Штатный горнист лагеря
(далее неразборчиво)»*

«Кто найдет красный носочек в полосочку с небольшой дырочкой, просьба у себя не оставлять».

«Прошу в Жалобной книге не писать посторонних вещей».

За деж. по кухне Вячесл. Вячесл...»

«Жалобная книга» — это сюрприз 2-й команды, дежурившей в день открытия лагерного кафе «Черный кот». И жалобы в ней совсем не страшные.

А «Черного кота» ребята еще называют стойлом. Это потому, что за единственным общим столом есть приходится стоя. Зато когда усталый идешь с работы к «Черному коту», тебя могут угостить не только обедом, но и отличным «концертом по заявкам». А на деревьях висят волнующие плакаты: «Концентрат — здоровая пища». «Пейте кисель содружества 5-й команды с комарами!» «Съешь сам — помоги товарищу!»

ДЕНЬ ВТОРОЙ. В „АЛТАЕ“ — ЧП

А вот уже это серьезно. Горнист играет общий сбор. Такого в «Алтае» еще не бывало. Женя Голынкин из 4-й команды просится домой. В чем дело, Женька?

— Может, тебе здесь неинтересно?

— Нет, интересно и весело. Только у меня болит рука, я не могу работать наравне со всеми...

— Брось, Женька, у нас не считают, кто поднял больше кирпичей. Говори правду, не увиливай.

А как сказать, если просто заскучал, если и сам не знаешь точно, почему тебя потянуло домой?

— Зачем ты приехал сюда, Женя? — спрашивает тебя твой штурман Аркаша Алфимов, и ты не знаешь, что ему ответить.

— А чего с ним нянчиться? Не нравится — уговаривать не станем. Пусть уезжает, не держим...

Но тут в разговор вступает кто-то постарше:

— Ну, что ты кричишь? Разве можно бросаться человеком?

...Пройдут годы, Женька, ты вырастешь. Но этот короткий Общий сбор запомнится тебе надолго. И как у тебя спросили:

— Может, хочешь перейти в другой отряд?

А ты упрямо сказал: «Нет, не хочу. Если оставите — так только в своем».

И тогда вокруг тебя поднялись руки — руки товарищей, не позволивших тебе уйти из отряда.

— Решением Общего сбора Голынкин остается в «Алтае». Через сорок минут начинается военная игра. Чтобы в ней могли участвовать дежурные, нужно по-

мочь им вымыть посуду. Добровольцы, поднимите руки! Вытри слезы, Женя. «Алтай» — отряд веселый, хотя курортом его и не назовешь.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ. ИСКРЫ КОММУНАРСКОГО ОГНЯ...

В «Алтай» приехал Саша Прутт. Саша — студент третьего курса ЛЭТИ, но на груди у него — красный галстук. Через несколько дней вместе с однокурсниками Саша едет на целину. А пока что — хоть на три дня — на сбор республик. В Коммуне Саша — из самых старших. Младшие ему верят, на него равняются. А сам Саша?

Он стоит в строю. Рука замерла в пионерском салюте. Дежурный командир вызывает на флаг Катю Хлавно. Маленький, выгоревший треугольный флажок рывками поднимается к верхушке мачты. Ствол у мачты не очень ровный, флагу не добраться до самого верха.

Линейка окончена. Саша Прутт один. Он подходит к мачте, отдает салют и поднимает флаг. Теперь он совсем высоко, чуть виден. Салют!

Вот такой он и есть, Саша Прутт. «Сколько бы лет ни прошло, а Саша всегда останется в Коммуне и всегда будет работать в отряде», — вот что говорят о нем в «Алтае».

Вырастают ребята, вступают в комсомол, уходят из школы и... остаются в Коммуне. «У меня часто спрашивают, что дала мне Коммуна, а как ответить, если она дала все», — так сказал на празднике Коммуны

Юных Фрунзенцев старый, испытанный коммунар-гайдаровец Володя Магун.

Гайдаровцы — это «старики» Коммуны, ее гордость, ее опора в трудный час. Стоит им собраться вместе — и пошли воспоминания. И вот уже тесным кружком их обступают младшие — будущие коммунары.

ДОБРОВОЛЬЦЫ, ВПЕРЕД! ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

— Ребята, без нас приходил прораб со строительной площадки. Он говорит — есть срочная работа и нужна наша помощь. Пойдут добровольцы...

И все. И больше не надо никаких слов. Потому что уже встали коммунары — сорок пионеров. Звучит команда — строиться. Звучит песня.

*«Я проснулся сегодня рано,
О мама, чао, мама, чао, мама, чао-чао-чао...»*

Скрипит под ногами гравий. Сорок пионеров идут

строем за несколько километров. Что их ждет? Два часа они будут разбрасывать песок, готовить котлован под закладку фундамента. Пойдет дождь. Мальчишки, среди них, конечно, и Женька Голынкин, скинут рубашки, кто-то затынет старую песню про «Капитана»...

А вечером, на «огоньке», общий сбор вынесет такое решение:

«1. Впредь до окончания сбора на работу выходят только добровольцы.

2. Витю Волгина и Гену Смирнова за плохое дежурство оставить в лагере на целый день без работы».

ДЕНЬ ПЯТЫЙ. ЧЕСТНОСТЬ

Кира Шангина показала на «огоньке» большие куски коры, которые кто-то срезал с берез, чтобы писать «берестяные письма».

— Разве теперь найдешь, кто виноват? Они же не признаются, — сокрушенно произнесла молоденькая учительница.

И тогда командир «Алтая» Игорь Евдокимов сказал обычным своим голосом, очень тихо:

— Ребята, по-честному, кто резал кору — поднимите руки!

Шестеро подняли руки. На утро они встанут, не дожидаясь горна, и отправятся на очистку леса от сухостоя и срубленных деревьев.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ. ПРОТРУБИЛИ ТРУБАЧИ ТРЕВОГУ

Разве можно забыть тот день, 22 июня 1941 года? Разве можно забыть, как трубили трубачи, погибшие на гражданской, и тот неизвестный трубач, игравший «Интернационал» в осажденном, замурованном Бресте? Труби, трубач. Пусть в каждом сердце сегодня проснется тревога. Пусть в каждом сердце оживет память о том, чего мы никогда не видели и что никогда не смеем забыть.

Горит огонь в память погибших. Приспущен флаг на мачте.

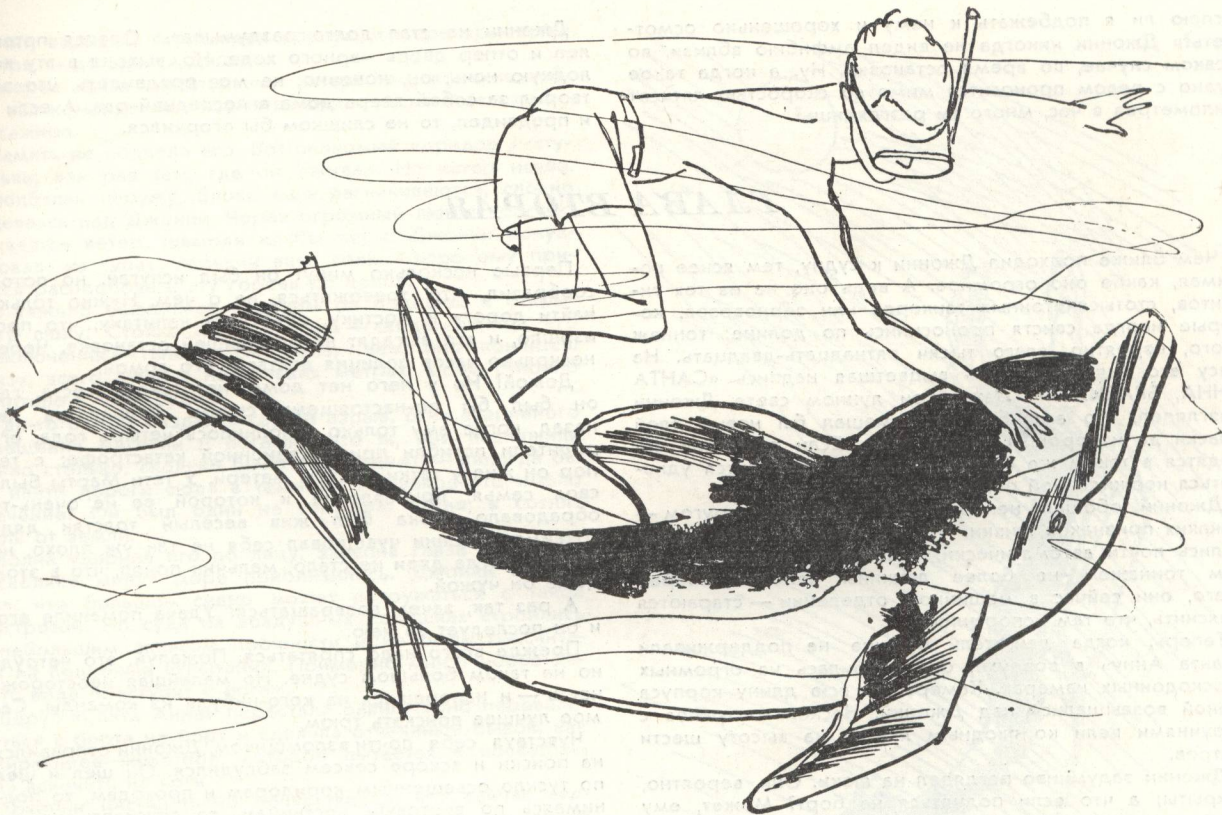
*«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...»*

Маршем молчания они идут на поля. Стелется туман над озером. Встает солнце. Впереди, со склоненным знаменем — Аркадий Алфимов. Знамя сегодня будет нести лучшие. Стоять в карауле у знамени — самые достойные.

Они идут на работу. На прополку. Так встретят гайдаровцы этот день.

Их пароль: «Смело и бодро вперед!»

Их отзыв: «Победа во что бы то ни стало!»

ОСТРОВ ДЕЛЬФИНОВ

НАУЧНО — ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Артур Кларк

Рисунки А. Сколозубова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Джонни Клинтон спал, когда амфибия промчалась на своей воздушной подушке по равнине вдоль старого шоссе. Свист и рев среди ночи не потревожили Джонни, к такому шуму он привык чуть ли не со дня своего рождения. Для любого мальчика двадцать первого века это были волшебные звуки, они говорили о далеких странах, об удивительных грузах, которые перевозили первые суда, передвигавшиеся с одинаковой легкостью по суше и по морю.

Нет, рев дюз не мог разбудить Джонни, привычно вторгаясь в его сны. Но когда рев внезапно прекратился, Джонни приподнялся в кровати, протирая глаза и прислушиваясь. Амфибия замолкла на середине Трансконтинентальной магистрали № 21. Что могло случиться? Неужели один из огромных сухопутных лайнеров и вправду остановился здесь, более чем в шестистах километрах от ближайшей станции?

Что ж, проверить это можно только одним способом. Мгновение он колебался, — не хотелось встретиться лицом к лицу с морозной ночью, — но все же собрался с духом, набросил на плечи одеяло, тихонько открыл окно и вылез на балкон.

Печатается в сокращении. Повесть полностью будет выпущена «Гидрометеиздатом».

Стояла прекрасная ночь, почти полная луна четко освещала спящую долину. Отсюда, с южной стороны, Джонни не мог видеть шоссе, но балкон галереи опоясывал старомодный дом и мальчик украдкой стал пробираться к северному фасаду. Особенно осторожно он крался мимо спален тети и кузенов; он знал, что начнется, если разбудить их.

Но дом крепко спал под зимней луною и никто из его «милых» родичей не пошевелинулся, когда Джонни на цыпочках проскользнул мимо их окон. Через мгновение он и думать забыл о них.

Нет, ему не приснилось: амфибия сошла с широкой ленты шоссе и, сияя огнями, стояла на земле в двухстах метрах от магистрали.

Джонни понял, что это грузовое судно, а не пассажирский лайнер: на нем была только одна обзорная палуба, значительно более короткая, чем корпус длиной около ста пятидесяти метров. Джонни подумал, что амфибия похожа на огромный утюг — только вместо ручки, которая у обыкновенного утюга расположена вдоль, судно, ближе к носовой части, пересекало обтекаемый мостик. Над мостиком мигал красный огонь, предупреждающий об опасности встречные суда.

«Что-то с ним не в порядке, — подумал Джонни. — Интересно, сколько времени оно пробудет здесь?»

Успею ли я подбежать к нему и хорошенько осмотреть?» Джонни никогда не видел амфибию вблизи, во всяком случае, во время остановки. Ну, а когда такое судно с ревом пронесется мимо со скоростью пятьсот километров в час, много ли разглядишь?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Чем ближе подходил Джонни к судну, тем яснее понимал, какое оно огромное. А ведь оно не из тех гигантов, стотысячетонных танкеров или зерновозов, которые иногда свистя пронеслись по долине; тоннаж этого, вероятно, всего тысяч пятнадцать-двадцать. На носу его виднелась чуть выцветшая надпись «САНТА АННА, БРАЗИЛИЯ». Даже при лунном свете Джонни разглядел, что амфибии не помешал бы новый слой краски да и хорошая чистка тоже. Если двигатели находятся в таком же состоянии, то не приходится удивляться неожиданной остановке.

Джонни обошел неподвижное чудовище кругом — никаких признаков жизни. Что ж, грузовые суда управлялись почти автоматически; в команде амфибии с таким тоннажем не более дюжины человек. Скорее всего, они сейчас в машинном отделении — стараются выяснить, что там испортилось.

Теперь, когда двигатели больше не поддерживали «Санта Анну» в воздухе, она покоилась на огромных плоскородных камерах. Камеры во всю длину корпуса стеной возвышались над Джонни. Несколько трапов с поручнями вели ко входным люкам на высоту шести метров.

Джонни задумчиво поглядел на люки. Они, вероятно, закрыты; а что если подняться на борт? Может, ему повезет и он успеет толком осмотреть судно, прежде чем его обнаружат и вышвырнут вон. Такой случай выпадает раз в жизни, и он никогда не простит себе, если упустит.

Он начал карабкаться вверх по ближайшему трапу. Однако на полдороге заколебался.

Слишком поздно. Огромная изогнутая стена, по которой он полз, как муха, вдруг стала вибрировать. Тихину ночи разорвали вой и рев — казалось, на землю обрушилась разом тысяча ураганов. Джонни глянул вниз — из-под «Санта Анны», тяжело поднимавшейся на воздух, полетели комья грязи, камни, пучки травы. Он не мог спрыгнуть: струи воздуха швырнут его, как буря щепку. Спасение наверху: ему надо попасть внутрь, прежде чем судно тронется. А если люк задрен? Нет, об этом даже думать страшно!

Но ему везло. Нажав на ручку металлической двери, он увидел тускло освещенный коридор и мигом юркнул внутрь «Санта Анны». Когда он захлопнул дверь, рев дюз сменился глухими раскатами — судно тронулось. Так началось путешествие Джонни в неведомое.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Впервые в жизни Джонни испытал панический, нерассуждающий страх. Ноги у него подгибались, грудь стеснило так, что он едва дышал. Ему казалось, что он уже тонет.

Панический страх прошел только тогда, когда он больно стукнулся о какое-то невидимое препятствие — это его отрезвило. Нельзя терять голову и наугад метаться в темноте. Нужно двигаться в одном направлении, пока он не найдет стену, а вдоль нее можно будет добраться и до двери.

Джонни не стал долго раздумывать. Оделся потеплее и отпер дверь черного хода. Но, выходя в эту холдную ночь, он, конечно, не мог предвидеть, что заворил за собой дверь дома в последний раз. А если бы и предвидел, то не слишком бы огорчился.

Первые несколько минут он был испуган, но потом сообразил, что тревожиться не о чем. Нужно только найти дорогу к мостику, объяснить капитану, что произошло, и его высадят на ближайшей остановке. Через несколько часов полиция доставит его домой.

Домой? Но у него нет дома; нет такого места, где он был бы по-настоящему своим. Двенадцать лет назад, когда ему только исполнилось четыре года, его родители погибли при авиационной катастрофе; с тех пор он жил у тетки, сестры матери. У тети Марты была своя семья, прибавление к которой ее не очень-то обрадовало. Пока был жив веселый толстяк дядя Джеймс, Джонни чувствовал себя не так уж плохо, но теперь, когда дяди не стало, мальчик понял, что в этом доме он чужой.

А раз так, зачем возвращаться? Удача поманила его, и он последует за нею.

Прежде всего надо спрятаться. Пожалуй, это нетрудно на таком большом судне. Но малейшая неосторожность — и напорешься на кого-нибудь из команды. Самое лучшее — поискать трюм.

Чувствуя себя почти взломщиком, Джонни отправился на поиски и вскоре совсем заблудился. Он шел и шел по тускло освещенным коридорам и проходам, то поднимаясь по винтовым лестницам, то спускаясь по отвесным трапам, пробираясь мимо люков и металлических дверей с таинственными надписями.

Наконец он нашел укромное местечко — небольшой отсек, заваленный багажом. Багаж был адресован в различные пункты Австралии, и Джонни решил, что пока он в безопасности. Вряд ли кто зайдет сюда, раньше чем судно пересечет Тихий океан и окажется на другом конце мира. И он, Джонни, очутится от дома далеко-далеко.

Мальчик расчистил себе местечко среди ящиков и тюков и со вздохом облегчения уселся, опершись спиной о большой ящик с надписью «П-ое средство Химической компании Бундаберг». Он задумался над тем, что означает таинственное «П-ое» и, так и не додумавшись до слова «Патентованное», уснул, сраженный усталостью, на твердом металлическом полу.

Он все еще спал, когда путешествие оборвалось. Его разбудил взрыв, за которым мгновение спустя последовал сильный толчок — «Санта Анна» рухнула в море. Затем свет погас, и он остался совсем один в полном мраке.

Наконец он нащупал ровную металлическую поверхность и понял, что это стена отсека. Теперь найти дверь было уже несложно. Он чуть не вскрикнул от радости, когда распахнул ее настежь, потому что там, в коридоре, не было темно, чего он так боялся. Правда, основная осветительная система вышла из строя, но работала аварийная.

Вдруг в коридоре за клубился дым, и он понял, что «Санта Анна» горит. Пол стал покатым — судно дало сильный крен на корму, где размещались двигатели.

Значит, взрывом поврежден корпус, и море врывается внутрь, — догадался Джонни.

Скорее найти спасательный катер! Там, конечно, сейчас вся команда. Вот изумятся они, увидев еще одного пассажира.

Память не подвела его. Вот знакомый коридор и ступеньки, как раз там, где он ожидал. Но катер исчез. Шлюпбалки наружу, блоки еще раскачиваются, словно издеваясь над Джонни. Через огромный люк с яростью врывается ветер, швыряя клубы пены. Джонни почувствовал на губах горький вкус соли. Скоро ему придется распробовать эту горечь до конца.

С тяжело бьющимся сердцем он подошел к открытому люку. Стояла ночь, и луна — свидетельница его приключения — теперь смотрела, чем оно кончится. Внизу, всего лишь в нескольких метрах, море свирепо колотило в борт судна.

Где-то рядом раздался глухой взрыв, огни аварийного освещения мигнули и погасли. Что ж, они послужили ровно столько, сколько было необходимо — никогда бы не найти дороги сюда в темноте. Но какое это имело значение? Он был один на тонущем судне, в сотнях миль от земли.

Волна ударила его по лицу, залепив глаза пеной. За несколько минут море приблизилось. Джонни не думал, что большое судно может погружаться с такой быстротой. Но суда на воздушных подушках строились с небольшим запасом прочности и не были рассчитаны на подобные испытания. Примерно минут через десять вода подступит к ногам.

Вдруг «Санта Анна» перестала равномерно переваливаться с борта на борт и сделала отчаянный рывок, как умирающее животное, которое пытается в последний раз вскочить на ноги.

Джонни инстинктивно почувствовал, что сейчас судно пойдет ко дну. Собравшись с духом, он ловко прыгнул и, погружаясь в воду, удивился, что она теплая. Он забыл, что за несколько часов перенесся из зимы в лето.

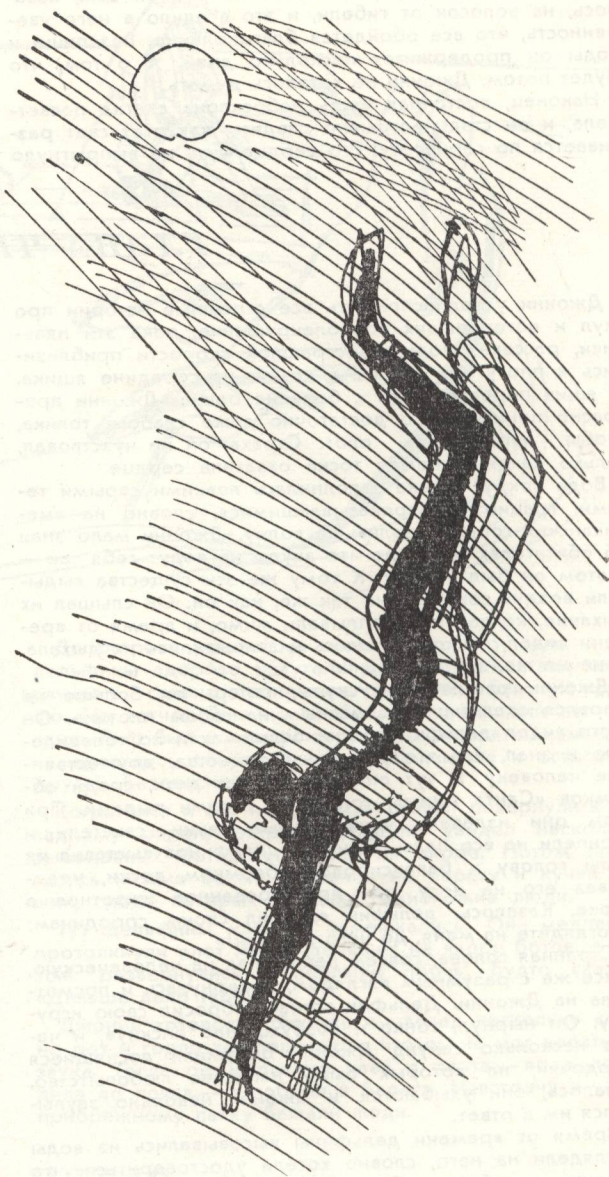
Вынырнув, Джонни поплыл во всю мочь стилем оверарм, неуклюже, но быстро... Позади раздавалось громкое бульканье, чудовищный треск и какой-то свист, будто пар вырывался из гейзера. И вдруг все оборвалось. Слышались только стоны ветра да шипение волн, кативших мимо него во мрак. Усталая старая «Санта Анна» пошла ко дну плавно, без всякой суеты, не оставив за собой засасывающей воронки.

Убедившись, что все кончено, Джонни повернулся в воде стоймя, чтобы оглядеться, и первое, что увидел, был спасательный катер. Их разделяло не больше полумили. Он замахал руками, закричал во весь голос. Напрасно: катер удалялся. Ведь никому из команды и в голову не могло прийти, что крушение пережил еще один человек, которого нужно взять на борт.

Джонни остался один под желтой луной и звездами южного неба. Он мог продержаться на поверхности много часов; вода в море была гораздо плотнее, чем пресная вода рек, в которых он учился плавать. Но сколько бы он ни проплыл, в конечном счете не имело значения. Нет и одного шанса на миллион, что кто-нибудь спасет его; последняя надежда ушла со спасательным катером.

Что-то толкнуло его, и Джонни вскрикнул от неожиданности, но это был только какой-то предмет с судна. Тут Джонни заметил, что вокруг плавают разные обломки. Открытие немного ободрило его: ведь если ему удастся соорудить плотик, это увеличит его шансы. Может быть, он доберется до берега, подобно команде знаменитого «Кон-Тики», которая почти столетие назад воспользовалась тихоокеанскими течениями.

Джонни стал прокладывать себе путь среди плавающих ящиков, кусков дерева, пустых бутылок и каких-

то обломков. Нужно найти что-то большое, на чем можно было бы плыть. Он уже совсем выбился из сил, когда, наконец, в метрах в пятнадцати от себя увидел темный прямоугольник, то поднимавшийся, то опускавшийся вместе с волнами.

Подплыв, Джонни обнаружил упаковочный ящик. Не без труда он вскарабкался на крышку и убедился, что ящик выдерживает его тяжесть. Правда, плот был не очень устойчив и норовил перевернуться, пока Джонни не догадался растянуться плашмя. Так он и отправился в плавание по волнам океана. В ярком свете луны он разобрал сделанную трафаретом надпись: «Хранить в сухом прохладном месте».

Он ждал, дрожа на своем плотике, следя за заходом луны и прислушиваясь к шуму моря. Хотя тревога не покидала Джонни, он больше не испытывал

такого страха, как раньше. Уже не раз он был, казалось, на волосок от гибели, и это вселило в него уверенность, что все обойдется благополучно. Без пищи и воды он продержится несколько дней. А о том, что будет потом, Джонни не хотелось думать.

Наконец, восточная часть небосклона слегка посветлела, и он стал неотрывно следить, как этот свет разливается по горизонту. Его сердце чуть не выпрыгнуло

из груди, когда золотой диск солнца показался из-за края Земли.

Через несколько секунд звезды погасли, будто никогда и не зажигались. Наступил день.

Не успел Джонни насладиться красотой рассвета, как глазам его представило зрелище, от которого кровь застыла в жилах — прямо на него быстро и неуклонно неслись с запада десятки серых треугольных плавников.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Джонни успел вспомнить все страшные истории про акул и потерпевших кораблекрушение, пока эти плавники, рассекая воду, на страшной скорости приблизились к плоту. Он сжался в комок на середине ящика. А ящик переваливался с боку на бок, и Джонни прекрасно понимал, что достаточно даже слабого толчка, чтобы перевернуть плот. Страха он не чувствовал, только какая-то немая тоска охватила сердце.

Вода вокруг ящика заполнилась ловкими серыми телами, грациозно перекатывавшимися, словно на американских горах, с волны на волну. Джонни мало знал об обитателях моря, но что акулы не ведут себя так — в этом он был уверен. К тому же эти существа выдыхали воздух совершенно так же, как он. Он слышал их дыхание, когда они проплывали мимо, и время от времени видел, как открывались и закрывались их дыхала. Конечно же, это дельфины!

Джонни расслабил мускулы, теперь он больше не старался сделаться незаметным на своем плотике. Он часто видел дельфинов в кинофильмах и по телевидению и знал, что это разумные существа, дружественные человеку. И тут они играли, как дети, среди обломков «Санта Анны», толкая их своими рылами. При этом они издавали удивительные звуки, свистели и скрипели на все лады. Один из дельфинов выставил из воды голову и балансировал обломком доски, удерживая его на носу, как дрессированное животное в цирке. Казалось, дельфин говорил своим сородичам: «Поглядите на меня, до чего я ловок!»

Странная голова, совсем непохожая на человеческую, и все же с разумным взглядом, повернулась и посмотрела на Джонни. Дельфин тотчас отбросил свою игрушку. Он нырнул, тонко и возбужденно пискнув, и через несколько секунд Джонни окружили лоснящиеся мордочки, на которых было написано любопытство. Казалось, они улыбаются, и Джонни невольно заулыбался им в ответ.

Время от времени дельфины высывались из воды и глядели на него, словно хотели удостовериться, что Джонни не убежал. С любопытством следили они за тем, как он снял свою промокшую одежду и расстелил, чтобы просушить на солнце. А когда Джонни громко спросил: «Ну, что мне делать теперь?» — они как будто задумались.

Один ответ напрашивался сам собой: нужно соорудить какое-то укрытие от тропического солнца, пока оно не изжарит его живьем. К счастью, Джонни удалось построить маленький вигвам из обломков, плававших в море; он связал их носовым платком и накрыл рубашкой.

Теперь оставалось только улечься в тени и беречь силы, предоставив ветру и течениям нести его к неведомой цели.

Море заметно успокоилось, плот слегка покачивался на невысоких маслянистых волнах, кативших мимо. Где-то Джонни прочел фразу: «Качался в колыбели глубокого моря». Теперь он точно знал, что это означает. Море было таким мирным, оно так убаюкивало

его, что он почти забыл о своем отчаянном положении. Он глядел на синее море и синее небо, и следил за странными, прекрасными животными, которые кружили вокруг него, скользя по волнам, и иногда высывались из воды, словно радуясь жизни...

Плот трянуло. Джонни вздрогнул и очнулся. Сначала он не поверил, что спал, однако солнце было уже почти в зените. Плот снова трянуло, и тут он увидел, в чем дело. Четверо дельфинов, плывущих в ряд, толкали плот вперед. Джонни с удивлением глядел на животных, сопевших всего в нескольких сантиметрах от него. Что это — игра? Но уже задавая себе этот вопрос, он знал: нет, не игра. Поведение дельфинов стало иным — решительным и целеустремленным. Время игр кончилось. Джонни находился в центре большой стаи животных, неуклонно державшихся одного направления. Впереди и сзади, слева и справа — куда достигал глаз — их были десятки, если не сотни. Джонни почувствовал себя словно в походном порядке воинского соединения.

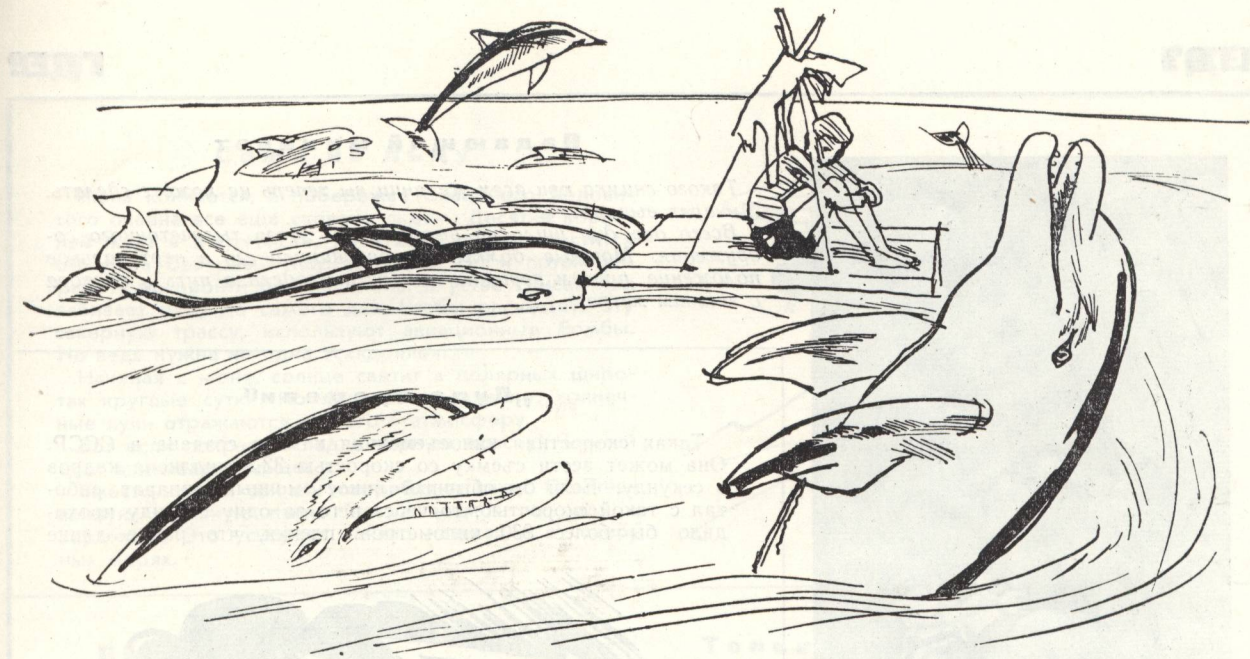
Он подумал: долго ли это будет продолжаться? Однако дельфины, по-видимому, и не собирались замедлять ход. Время от времени один из них отплывал от плота, но его немедленно сменял другой, так что скорость не уменьшалась. Он прикинул, что плот дельфин, пожалуй, побольше пяти миль в час. Разобраться же, куда держат курс дельфины — к северу, югу, востоку или западу, Джонни не мог: солнце стояло прямо над головой, и определить по нему было невозможно.

Только через несколько часов он понял, что плывет на запад, ибо солнце опускалось как раз впереди. Джонни радовался приближению ночи, прохлады которой сменит палящий зной. Мучительно хотелось пить, губы запеклись и потрескались. Он испытывал танталовы муки — ведь его окружала вода, но пить ее было опасно. Жажда так томила его, что он не ощущал голода; даже будь у него еда, он не смог бы проглотить и кусочка.

Но зато какое чудесное чувство облегчения охватило его, когда солнце зашло, исчезнув в золотисто-красном пламени. Дельфины продолжали плыть на запад при свете звезд и луны. Джонни высчитал, что за ночь они пройдут с ним около ста миль. Должно быть, у них есть определенная цель, но какая?..

Эта ночь была самой длинной в жизни Джонни. Жажда все усиливалась и не давала уснуть. К этим страданиям добавилась боль от ожогов — палящее солнце постаралось за день, и Джонни все ворочался на плоту, тщетно пытаясь устроиться поудобнее.

Иногда с запада на восток, гораздо быстрее всех звезд, иногда и наперерез им сверкающим маяком пронесился искусственный спутник. Можно было сойти с ума от мысли, что на космических станциях находятся люди, которые с помощью своих приборов легко могли бы обнаружить его, если б только им пришлось в голову заняться поисками. Но с чего бы они вздумали этим заниматься?

Наконец, луна закатилась, и в недолгом предрассветном мраке море стало фосфоресцировать. Грაციозные, идеально обтекаемые тела, окружающие плот, были теперь очерчены светящимися контурами; всякий раз, когда один из дельфинов выпрыгивал из воды, огненная кривая рассекала ночь.

Небо начало светлеть, но Джонни не обрадовался рассвету; теперь он уже хорошо знал, как жалка его защита от тропического солнца. Единственное, что поддерживало дух Джонни, это решительность и энергия эскорта. Стая по-прежнему шла на запад.

И вот около полудня Джонни увидел землю. Сначала он подумал, не облако ли на горизонте, но через несколько минут понял, что перед ним действительно остров. Остров был длинный, плоский, весь заросший деревьями. Его опоясывала узкая прибрежная полоса ослепительно белого песка, а перед нею тянулся широкий пологий риф, — пенистые буруны виднелись в море на протяжении доброй мили.

Сначала Джонни не заметил никаких признаков жизни, но потом разглядел струйку дыма. А где дым — там и люди! И вода, которой жаждало все его тело.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Проснулся Джонни на низенькой койке в очень чистой комнате с белыми стенами. Над головой вращался электрический вентилятор, через затянутае шторой окно проникал свет. Плетеный стул, столик, комод и таз для умывания — вот и вся обстановка. Даже если бы Джонни не почувствовал легкого запаха дезинфекции, все равно догадался бы, что он в больнице.

Он приподнялся на постели и вскрикнул от боли. Все тело жгло, словно огнем. Кожа яркокрасная и слезает лохмотьями. Верно, с ним уже повозился доктор — самые обожженные места были густо смазаны белой мазью.

Джонни откинулся на подушку и опять невольно вскрикнул. В этот момент дверь открылась, и в комнату вошла огромная женщина. Весила она, наверно, больше центнера, но никто не назвал бы ее толстой — просто эта женщина была громадной.

До острова оставалось всего несколько миль, и тут дельфины здорово напугали Джонни: они стали позорачивать, словно собирались миновать близкую землю. Но тотчас Джонни сообразил, зачем они это делают. Риф был слишком серьезным препятствием. Они намеревались обойти его и приблизиться к острову с другой, безопасной стороны.

Когда плот и его неутомимый эскорт повернули к западному берегу острова, Джонни увидел несколько рыболовных ботов, стоявших на якоре. Потом показались низкие белые строения на берегу и кучка хижин, среди которых сновали темнокожие люди.

Тут дельфины как бы замешкались. Они медленно протолкнули плот мимо стоявших на якоре ботов, а потом развернулись и поплыли прочь, будто сказав: «Дальше дело твое!»

Джонни хотелось крикнуть им вслед несколько слов, но рот и горло так пересохли, что он не мог издать ни звука. Тогда он медленно слез с плота — вода доходила до пояса — и побрел к берегу. Навстречу ему по прибрежному песку бежали люди.

— Ну-с, молодой человек, — сказала она. — Из-за чего такой шум? Столько суеты из-за пустякового солнечного ожога.

Она улыбнулась всем своим плоским шоколадным лицом. Он лежал и тоже улыбался, пока она считала его пульс и мерила температуру.

— А сейчас, — сказала она, — я найшу на вас сон. Когда вы проснетесь, болеть уже не будет. Но сперва дайте-ка мне адрес, чтоб я могла позвонить вашим домашним.

Джонни съежился. Нет, он не для того прошел через все мытарства, чтобы его с первым же судом отправили назад.

— У меня нет родных, — сказал он. — И я не хочу никому ничего сообщать.

(Продолжение следует)

Фото А. Ершова

Падающий минарет

Такого снимка при всем желании вы теперь не можете сделать. Минарет выпрямлен.

Всего два дня ушло на выпрямление этого тысячетонного сооружения. Мощные домкраты передвинули его в вертикальное положение, причем вершина минарета проделала путь в полтора с лишним метра.

„Лула времени“

Такая скоростная киносъемочная камера создана в СССР. Она может вести съемку со скоростью 33,3 миллиона кадров в секунду. Если бы обычный киносъемочный аппарат работал с такой скоростью, то через него за одну секунду прошло бы более 830 километров пленки, что равно длине

332 фильмов. Съемка лупой времени длится меньше двухтысячной доли секунды. Она хороша, когда надо «поймать» на пленку электрический заряд или заснять другой столь же быстрый процесс.

Аквариум — великан

Компания, обслуживающая туристов на Гавайских островах, построила из бетона и стекла аквариум для обозрения подводного мира.

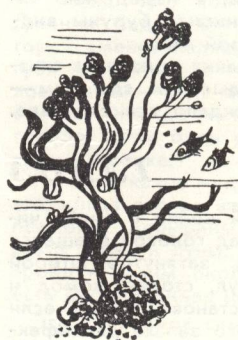

В аквариуме-великане пять отделений. В первом — животные, рыбы и моллюски, обитающие на малой глубине. В следующем — те, кто любит глубину не менее километра. В остальных — глубоководные рыбы.

Дно аквариума опоясано стеклянными галереями для зрителей. Отсюда хорошо видно, как в дебрях водорослей плывут косяки рыб, как притаились у камней хищные мурены.

Турист знакомится с жизнью глубин Тихого океана, но компания позаботилась о том, чтобы стоило это недешево...

Водоросли с... фокусом

Есть в Белом море бурозеленые водоросли — фукусы. Корнями они прикреплены к подводным камням и держатся вертикально, благодаря воздушным утолщениям на стебле — „шишечкам“, похожим на плоды шиповника. В шишечках нет ничего, кроме воздуха.

Сколько весят бактерии?

Не так уж мало. Бактерии, собранные с одного гектара почвы, весили бы 10 000 килограммов.

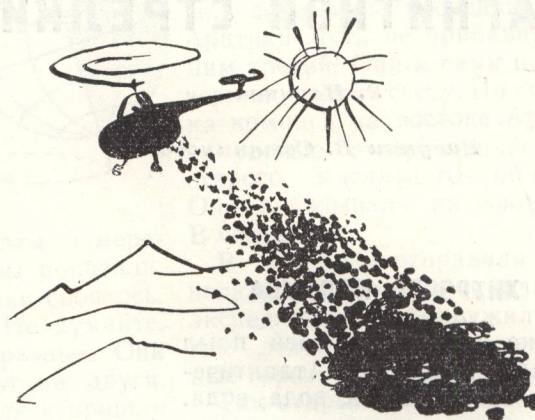
Сажа на льду

Июнь кончается, а побережье Северного Ледовитого океана все еще сковано льдом. Десятки кораблей ждут в Мурманске, пока хоть слегка очистится ото льда Северный Морской путь. Но и потом каравану не пройти без ледокола. В устье Енисея лед забивает реку до самого дна. Чтобы расчистить эту северную трассу, используют авиационные бомбы. Но ведь нужна не одна эскадрилья!

Начиная с июня, солнце светит в полярных широтах круглые сутки. Но лед тает медленно: солнечные лучи отражаются от него в атмосферу.

Вот если покрасить лед в черную краску! Черный цвет впитывает солнце.

Вместо краски сейчас употребляют сажу. Обыкновенную угольную пыль. Ее распыляют по льду с вертолета. Это ускоряет начало навигации в северных морях.

Подземные богатства

Не мало горячих морей скрыто под землей. И в Сибири, и в Туркмении, и на Украине, и на Кавказе, и на Кубани, и на Камчатке. Известны настоящие океаны кипятка. Западно-сибирский «океан» простирается почти на 3 миллиона квадратных километров.

В институте геологии Академии наук СССР составлена карта невидимых морей. Скрытая энергия горячих вод должна служить человеку. Ведь каждое подземное море — кладовая неслетных богатств.

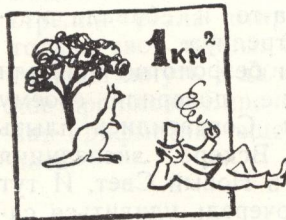
Только цифры

Если население нашей планеты будет расти так же, как теперь, то к концу века на Земле будет жить 6 миллиардов человек.

* * *

Каждый год население нашей страны возрастает на 3 000 000 человек.

* * *

В Голландии на площади в один квадратный километр живет в среднем 348 человек, а в Австралии — менее одного.

Взрыва не будет

Полиэтиленовыми реакторами, выпускающими полиэтилен, еще недавно управляли только вручную. Изготавливать полиэтилен сложно. Как говорят на заводе, «процесс на грани взрыва». Небольшое отклонение от нормы и — составные части пластика окислились и превратились в сажу. Поэтому каждые полчаса у реактора сменялись операторы. Но и такая мера предосторожности не избавляла от аварий, взрывы случались. А после взрыва реактор надо останавливать и подолгу чистить.

Теперь дежурить у реактора не придется. Скоро вместо оператора будет работать автоматическая система.

Кошачье зрение

Французские ученые установили: человек, поев брусники, приобретает остроту «кошачьего» зрения. Известно, что английские пилоты перед ночными полетами ели варенье из брусники. Позже стали производить таблетки с экстрактом брусники, которые не только помогают летчикам ориентироваться при полетах ночью, но повышают зоркость и при стрельбе в сумерки.

КАПРИЗЫ МАГНИТНОЙ СТРЕЛКИ

Э. Новиков

Рисунки В. Свешникова

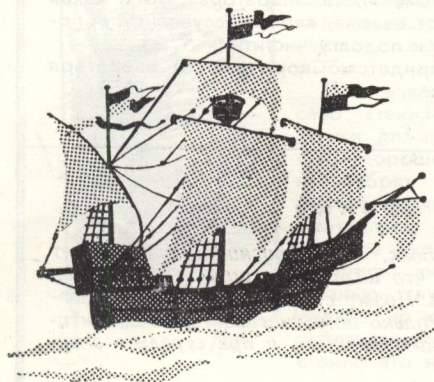
ХИТРОСТЬ КОЛУМБА

Уже несколько дней плыл корабль Колумба в Атлантическом океане. Вода, вода, вода. Ни одного островка вокруг. Пусто. Лишь стрелка компаса — надежный указатель, и она говорит: «Так держать!»

Но однажды — 13 сентября 1492 года — верная стрелка изменила направление. Тогда определили местонахождение корабля по солнцу. Каравелла Колумба отклонилась от намеченного курса на одиннадцать градусов. Значит, они плывут неправильно. Но — куда плывут? Где земля? Морьяки взбунтовались — вернуть корабль назад!

Всю ночь Колумб не мог заснуть. Отказаться от своей мечты открыть новые страны? Отказаться от цели своей жизни! Или усмирить команду? Но как?

Перед рассветом адмирал пробрался к компасу. Передвинул картушку — диск с де-

лениями. Поставил так, словно бы стрелка на место вернулась. «Мол, Полярная звезда в прошлые дни смещалась на небе. Она-то и сбивала магнитную стрелку».

Морьяки безропотно приняли объяснение, поверили своему адмиралу. Согласились плыть дальше. Вскоре экспедиция прибыла в Новый Свет. И тут настала очередь удивиться самому Колумбу: «Что за наваждение?» Хитрая стрелка снова указывала на север.

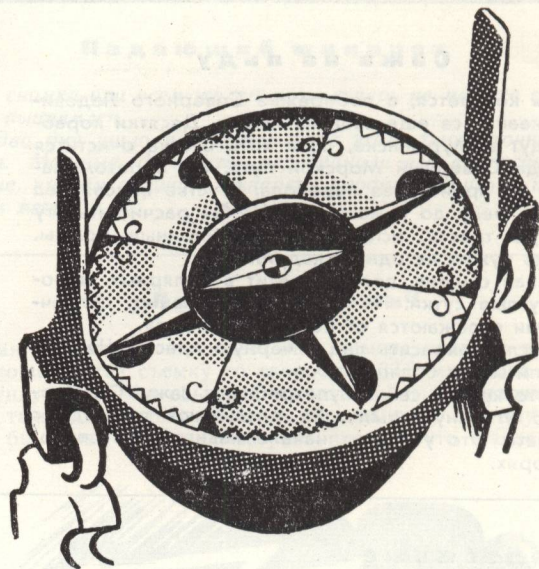
Так впервые обнаружили, что показания компаса могут изменяться в разных местах Земли по-разному.

Так люди узнали: магнитная стрелка не всегда показывает точно на север.

Что же действует на нее? Это было загадкой...

**МАГНИТ ВЕСОМ В
6 000 000 000 000 000 000
ТОНН**

Слыхали вы о таком магните? Первым его обнаружил Джильберт, врач английской

королевы Елизаветы. Конечно, принести этот магнит к себе в лабораторию он не мог. Ученый изучал двух маленьких близнецов: железные шары. Намагничивал их и проводил опыты. А потом написал сочинение со странным названием: «О магните, магнитных телах и о большом магните Земле».

Так в 1600 году люди узнали об открытии земного магнетизма. Он-то и действует повсюду на легкую стрелку компаса. Но почему она не всегда показывает на север? Эту загадку Джильберт не смог отгадать. И только позже выяснили: просто северный магнитный полюс редко бывает на севере. Например, сейчас он находится в Гренландии. Если встать на этот полюс, то маленькая стрелка повернется вертикально к земле. Она покажет, куда направлена магнитная ось. Слово сквозь яблоко, проткнутое иглой, проходит такая ось в земном шаре. Один ее конец — северный, другой — южный. Он в Антарктиде. Только эту ось нельзя даже потрогать. Она невидима. И не видимые никем сило-

АНОМАЛИЯ — НЕРОВНОСТЬ

вые линии вырываются, будто гигантский фонтан, из ее концов — полюсов. Впрочем, так ли они невидимы? Магнитная стрелка «замечает» их. Она сама помогла исследователям раскрыть тайну своего отклонения в различных местах земного шара, которая чуть не сбила Колумба с правильного пути.

Отгадали ученые и эту загадку и снова задумались: почему магнитные полюса не на севере и не на юге?

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ПОЧЕМУ?

Стали аккуратно записывать в дневники поведение магнитной стрелки. Кажется, совсем бесполезное дело. Ведь площадь города Ленинграда, где проводили измерения, не так велика, чтобы стрелка разное показывала. А вот взгляните, что получилось за сотни лет.

1726 год. Стрелка компаса отклонилась от северного географического полюса на $3,2^\circ$ к западу.

1770 год. Она повернулась еще западнее на 1° .

1861 год. Вернулась обратно.

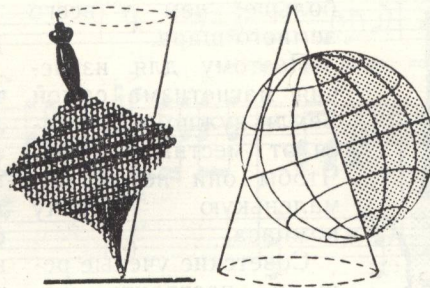
1889 год. Указывала почти точно на север.

1956 год. Отклонилась на $6,8^\circ$ к востоку.

Выходит, магнитные полюса «путешествуют». А невидимая ось, соединяющая их, колеблется. Так же, как стержень игрушечного волчка, который бежит по полу. Только очень, очень медленно. И незаметно вычерчивает на поверхности земли кривую линию — след блуждания полюсов. Еще одну тайну открыли. Но с открытием этой тайны родилась другая.

1 = 2

Не правда ли? Так не бывает. У Земли есть одна магнитная ось. Это точно установ-

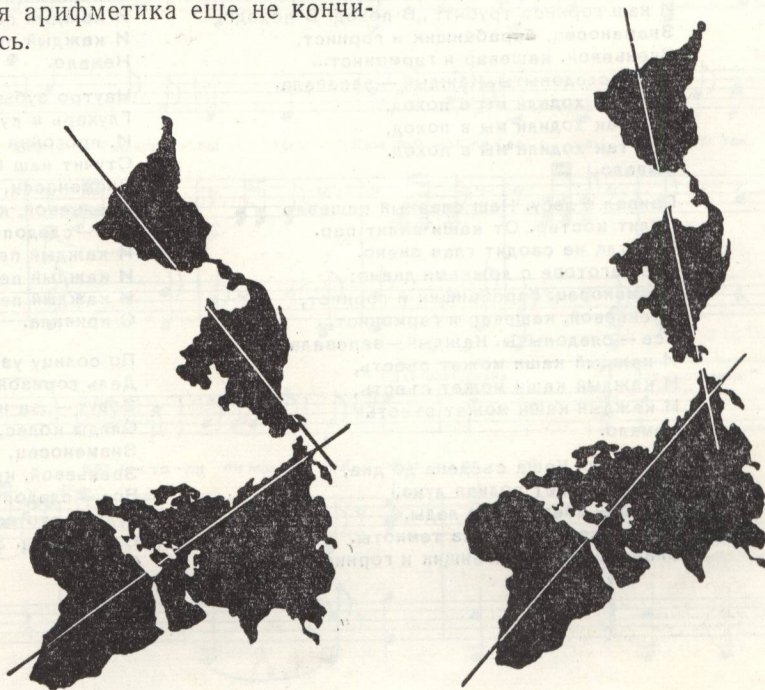
лено. Но результаты измерений за долгие годы показали, будто бы у Америки своя ось, у Европы — своя. Не думайте, что они совсем разные. Они очень похожи друг на друга. Ученые их сравнили и пришли к удивительному выводу: за последние сотни миллионов лет самые большие материки мира раздвинулись, отошли друг от друга на тысячи километров.

Вот так и вышло, что единственная магнитная ось как бы расщепилась теперь на две. Видите, маленькая магнитная стрелка стала открывать не только свои тайны. Она помогает заглянуть в далекое-далекое прошлое. Впрочем, странная арифметика еще не кончилась.

Все знают: у земного шара два магнитных полюса. Однако, советские исследователи Арктики чуть не прибавили к ним третий. Они и сами не поверили такому счету. Но стрелка компаса на востоке Арктики упрямо отворачивалась от старого магнитного полюса. Она показывала на «новый». В чем дело?

В 1948 году отправили в те нелюдимые края специальную экспедицию и обнаружили на дне ледовитых морей огромные горы.

Так открыли ставший сейчас знаменитым подводный хребет Ломоносова. Его магнитные горные породы поворачивали в свою сторону маленькую стрелку. Притягивали к себе, подобно магнетитовым рудам в центре страны, в Белгородской и Курской области. Это — районы аномалий. Здесь стрелка ведет себя слишком неровно. Ведь аномалия по-гречески значит «неправиль-

ность, неровность. Таких «неровностей» на Земле очень много. И каждая действует на компас своей магнитной силой. Вот Курская аномалия! В 1921 году по указанию Владимира Ильича Ленина геологи начали бурить первую скважину. Опустили вглубь обычный стальной бур, а вытащили магнитный. К нему прилипали и гайки, и ключи, и другие железные предметы. Ввели эти «прилипалы». Оказалось почти два пуда. Вот какая сила магнитного притяжения у курских железных руд! Она гораздо

больше, чем у всего земного шара.

Поэтому для изучения магнетизма самой Земли нужно избавиться от местных помех. Чтобы они не путали маленькую стрелку компаса.

Советские ученые решили построить необычный корабль — деревянный, без железных частей. Даже якорь и сковороды для камбуза сделали из цветных металлов. Эти металлы в отличие от железа не могут намагнититься. Теперь по южным морям и океанам плавают специальная немагнитная шху-

на «Заря». Не боится она капризов хитрой стрелки. Отгадать тайны земного магнетизма — вот задача исследователей. Дрейфуют наши полярные станции около беспокойного магнитного полюса... Поставлены измерители магнитных сил на самолетах. Воздушные геологи ищут железорудные аномалии... Чуткие приборы — магнитометры космических ракет посылают на Землю свои радиосигналы: «У Луны не обнаружили заметного магнетизма. Нет, вероятно, его и у планеты Венеры». И снова ученые задумываются: «Почему?»

Много великих загадок природы еще скрыто в поведении стрелки компаса.

МАРШ СЛЕДОПЫТОВ

Слова В. Уфлянда

Идем мы по нехоженой тропе,
Журавль играет в небе на трубе,
Трубят на речке пароход,
И наш горнист трубит: „В поход! В поход!“
Знаменосец, барабанщик и горнист,
Звеньевой, кашевар и гармонист...
Все — следопыты. Каждый — запевала.
Еот так ходили мы в поход,
Еот так ходили мы в поход,
Еот так ходили мы в поход,
Бывало.

Привал в лесу. Наш славный кашевар
Палит костер. От каши валит пар.
С котла не сводит глаз звено.
Все наготове с ложками давно:
Знаменосец, барабанщик и горнист,
Звеньевой, кашевар и гармонист...
Все — следопыты. Каждый — запевала.
И каждый каши может съесть,
И каждый каши может съесть,
И каждый каши может съесть
Немало.

Стемнело. Каша съедена до дна,
В котле сияет полная луна,
Гармонь поет на все лады,
Сова глядит на нас из темноты.
Знаменосец, барабанщик и горнист,

Музыка С. Пожлакова

Звеньевой, кашевар и гармонист...
Все — следопыты. Каждый — запевала.
И каждый песен может спеть,
И каждый песен может спеть,
И каждый песен может спеть
Немало.

Наутро зубы выбивают дробь,
Глухарь в кустах спросонья хмурит бровь,
И, прогоняя прочь туман,
Стучит наш барабанщик в барабан.
Знаменосец, барабанщик и горнист,
Звеньевой, кашевар и гармонист.
Все — следопыты. Каждый — запевала.
И каждый первым встать спешит,
И каждый первым встать спешит,
И каждый первым встать спешит
С привала.

По солнцу узнаем, который час.
Даль горизонта пятится от нас.
Зовут — „за нами, следопыты!“ —
Следы колес, ботинок, лап, копыт.
Знаменосец, барабанщик и горнист,
Звеньевой, кашевар и гармонист...
Все — следопыты. Каждый — запевала.
Гуляет эхо над рекой.
Один запел. Запел другой
Сначала.

И-дем мы по не-хо-же-ной тро-пе, жу -

- равль иг-ра-ет в не-бе на тру-бе, тру-бит на речке па-ро-ход, и наш гор-

- нист тру-бит: «Впоход! В поход!» Знаме-но-сец, ба-ра-банщик и гор-нист, звень-е-вой, ка-ше-

- вар и гар-мо-нист. Все — сле-до-пы-ты. Каж-дый — за-пе-ва-ла. Вот так хо-

Для повторения Для окончания

- ди-ли мы в поход, вот так ходи-ли мы в по-ход, вот так хо-ди-ли мы в по-ход, >бы-ва-ло.

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ ПОСЛЕЗАВТРА

Павел Калистратович Дудко

...Постучали. Павел Дудко открыл дверь. На пороге стоял его двоюродный брат Иосиф Ярошук.

«Слушай, кум, беда, — проговорил он быстро. — Был я нынче у свояка в Барсуках — у него на квартире немецкий офицер стоит. Так вчера немец напился и похвалялся: «Рус, говорит, — капут! В воскресенье, в четыре часа утра, войну начнем. Через месяц в Москве будем...»

Это было 20 июня 1941 года.

Павла совсем не удивило, что Иосиф пришел именно к нему. В селе Старый Бубель, где жили почти одни украинцы, где почти все были родственники, каждый знал каждого. И симпатии Дудко были известны.

Это он с дружками Владимиром Филиппком и Павлом Лычевским, истово крестясь, шел в толпе верующих, когда на крестный ход собрались селяне со всей округи. А потом посмеивался, глядя, как священник и богомольцы удивленно вытаскивали из карманов и шапок листовки, в которых была написана правда о жизни братьев в Советской Украине.

И грядущую беду он предчувствовал давно.

Почти сразу же после того как фашисты оккупировали Польшу, крестьян начали гонять на принудительные работы — возить камень, валить сосны, копать укрытия. Вскоре им запретили ходить в лес — в лесу тяжело заворачивали серые туши танков; потом перестали

пускать в собственные сараи — там притаились пушки. Даже тем, кто никогда не служил в армии, стало ясно — немцы готовятся к войне.

И вот беда совсем близко. Как сообщить об этом на ту сторону Буга, друзьям в зеленых фуражках — пограничникам?

К вечеру из села к Бугу направились трое. Впереди шел девятилетний сын Павла Калистратовича — Ваня, за ним сам Дудко с дядей Капутюком. Шли, как будто бы на купанье, совсем-совсем беззаботно. Но как только дошли до берега, видимая беззаботность сразу исчезла. Затаились в кустах. Рядом тяжело прошагали немецкие дозорные. Дудко быстро скинул одежду, нырнул. Только бы успеть до следующего прохода патруля... Он плывет, плывет к восточному берегу, напрягая все силы. В кустах спрятался Ваня — в случае чего отвлечет фашистов. У стога караулит Капутюк — присматривается к дороге...

Совсем немного не доплыл до берега Павел и увидел зеленые фуражки. Крикнул: «Товарищи, послезавтра, в четыре — война!»

В ночь на 22 июня по селу поползла на восток серая лавина. В четыре часа утра раздалась первые выстрелы.

А к полудню мимо хаты Дудко в обратную сторону, пыля, неслись крытые машины — немцы везли убитых и раненых: предупрежденная застава встречала врага.

И пусть хоть на час, хоть на малую минуту, но этот бой приблизил нашу победу в Великой войне.

Вечером к Павлу Калистратовичу пришли односельчане. Курили, думали...

«Солтыс» — по-русски староста — спросил с издевкой: «Ну, что, Павло, как твой медведь?» (так он называл Советский Союз).

«Придет время, поднимется», — ответил Павел Калистратович и показал на восток. Там разгоралось зарево.

* * *

С той ночи минуло ни много ни мало — четверть века...

Я в доме на тихой улочке. Окно заслоняют кусты сирени и шиповника.

Спрашиваю хозяина:

— Было вам страшно, когда вы плыли через бурный Буг?

— Было, конечно, — отвечает Павел Калистратович Дудко. — Но разве мог я сидеть сложа руки, если послезавтра должна была начаться война?

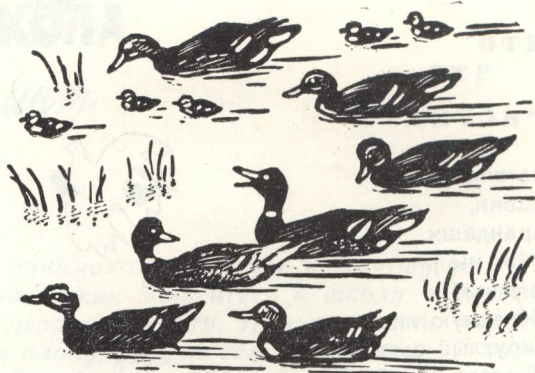
Л. Эфрос
Фото А. Праведнова

Подбегает к Пете Шарик,
По карманам Петя шарит —
Он припас для Шарика
Вкусных два сухарика.
И за это
Петю в нос
Благодарный
Лижет пес.

В. Лифшиц
Рисунки Б. Семенова

8

ИЮНЬ

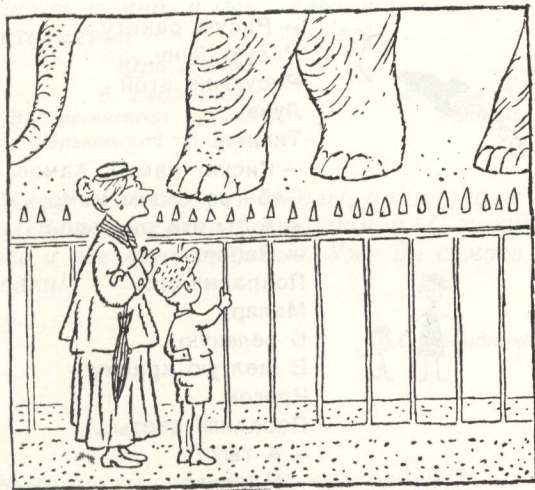
Я к пруду подойду,
На нем лодка новая.
Утки плавают в пруду,
Окунают головы.

Неужели им не лень,
Вот была охота!
Солнце ловят целый день —
Тоже мне работа!

Не поймать, не поймать
Вам закат веселый.
Скоро спать, скоро спать
Надо, солнцеловы.

Сергей Скаченков
Рисунок И. Ризнича

1

СЛОН

Повела раз бабушка маленького внука в зоопарк.

Больше всего Боре хотелось посмотреть слона. Он все спрашивал:

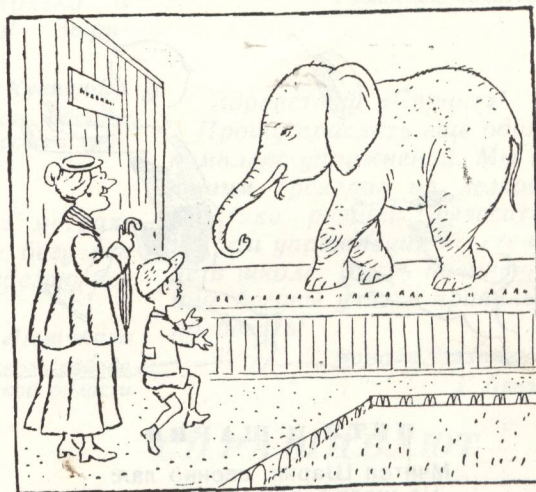
— Где слон? Где слон?

Бабушка говорит:

— Вот слон!

А мальчик топчется, заглядывает сквозь металлические прутья и видит только серую глыбу на толстенных, наверно, каменных столбах. А слона-то и нет!

4

Тут вдали кто-то пронзительно закричал с присвистом и щелканьем.

Со всех ног Боря кинулся в ту сторону:

— Кто это кричит?

Догнала его бабушка, за руку ухватила:

— Будешь убежать? Дома не слушаешься, так еще и здесь. Это попугаи кричат. Их отсюда не видно.

Боря оглянулся и вдруг сам как закричит:

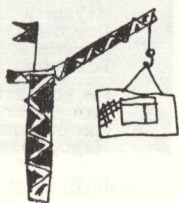
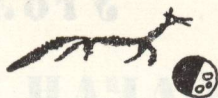
— Слон! Слон! Смотри, бабушка, совсем такой, как на картинках!

А. Котовщикова
Рисунки Б. Семенова

5

**ВТО
ЧТО
РИСУЕТ**

Кисточки,
Краски,
Карандаши.
— Что вы рисуете,
Малыши?
— Красную лисицу
И круглый сыр.
— Белого голубя —
Это Мир.
— Это барашки?
— Нет, облака.
— А ты что рисуешь?
— Не знаю пока.
— Рисую, рисую
Машину большую.
Машина
Сама
Строит
Дома.

2

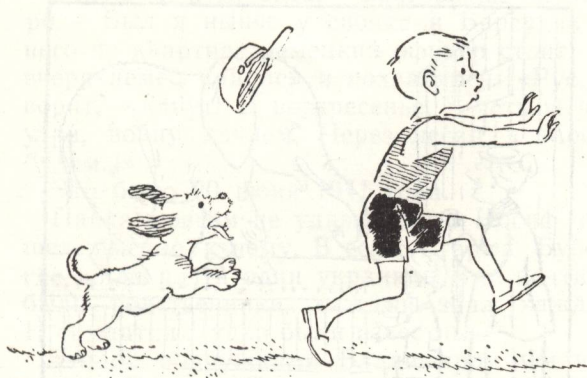

Он не тронет,
Успокойся,
Ты погладь его,
Не бойся!
Петя Шарика погладил,
Петя с Шариком поладил.
Петя —

в трусиках

и майке —
Спит под елкой на лужайке.
Шарик Петю сторожит,
Ни за что не убежит!
Шарик дремлет — кверху брюхом,
Шевелит лохматым ухом, —
Раздобыв большой лопух,
Отгоняет Петя мух!

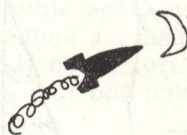
7

ПЕТЯ И ШАРИК

Мчится Шарик, звонко лая:
„Не желаю делать зла я,
А сказать желаю лаем —
Ах, как славно мы играем!..“
Но иначе, но иначе
Понял Петя лай собачий.
Он бежит и очень трусит,
И вопит: „Боюсь!.. Укусит!..“
Взяли Петю
За руку
И подводят
К Шарикю.
— Ты пойми, —
Сказали Пете, —
Он добрей
Всех псов на свете!

6

— Рисую ракету,
Рисую Луну,
Рисую на этой
Луне...

Тишину.

— Рисую самое, самое...
Себя со своею мамою.

— А ты что рисуешь?

— Забор.

Покрасил его

Маляр

В зеленую,

В желтую краску!

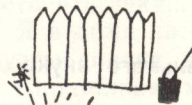
Кругом

Посадили цветы...

— А ты?

— Я рисую

Сказку.

Г. Сапги
Рисунки Г. Ковенчука

3

СООБЩАЮТ

Здравствуй, школа «Спринт»!

Уже шесть человек с нашей улицы решили стать спринтерами и записаться в заочную школу! Когда мы с Сережей и Колей Ивановым отправили первое письмо, все над нами смеялись: «Какие из вас спортсмены?» Когда мы делали упражнения и бегали, на нас смотрели с удивлением. А теперь одни ребята

уже занимаются вместе с нами, другие спрашивают, как записаться в школу «Спринт». Мы играем в лапту, тренируемся по недельному плану, разучиваем упражнения. Я очень любила спорт и мечтаю встретиться со знаменитыми спортсменами, которых я видела пока только в кино или по телевизору.

Люда Казадаева
г. Свирск Иркутской области

ДЕЛЯТСЯ ОПЫТОМ

Я всегда, где и когда можно, стараюсь быстро бегать или на большой скорости ездить на лыжах. На школьных соревнованиях я особенно хорошо метнул мяч — на 56 метров. Наверно, это потому, что мы с товарищами часто выберем точку, куда кидать камни, и давай — кто метче!

Юра Лунин
д. Евдокимово
Воскресенского района
Горьковской области

В нашей школе нет спортивного зала, но зато на каждом уроке физкультуры мы играем в лапту. Лапта, «казаки-разбойники», пятнашки — это наши любимые игры. Сначала в «казаки-разбойники» играли только девочки нашего класса, а потом не удержались и мальчики, даже из других классов приходят. Теперь на переменах только и слышно: «Валя-пятнашка! Выручайте!»

Наташа Кузнецова
станция Камышеватская Ейского
района Краснодарского края

Раньше у меня часто болела голова, но когда я стал по утрам делать гимнастику, обливаться водой и бегать, боли прекратились. Теперь я всегда бодр!

Юра Лексин
д. Новоселки
Кадамского района
Рязанской области

Я живу недалеко от школы, примерно в трехстах метрах. На большой перемене бегая домой. С каждым днем бегу все быстрее и все меньше устаю. Уже до самого дома добегаю без остановки!

Света Люшукоча
с. Завидовка Яковлевского района
Белгородской области

Здравствуй, «Спринт»!
Прошу прислать еще один комплекс упражнений. Мы с нашим тренером по легкой атлетике решили вывесить все эти упражнения на стенде в школе. Пусть начинающие бегуны учатся правильно бегать!

Володя Назарчук
г. Пенза

Надо ли перед сном делать «разрядку»? Если нужно, то какие упражнения включать в нее?

Толя Дрзчев, Леня Дегтярев,
Толя Камшилов
с. Менциково Кетовского района
Курганской области

Когда и где будет нужна личная карточка юного спортсмена?

Наташа Логунова
г. Новокузнецк Кемеровской области

Нет. За полчаса до сна лучше всего спокойно, неторопливым шагом прогуляться минут десять-пятнадцать. Бегать или делать резкие движения не следует.

У всех членов нашей школы хранятся их личные карточки. В них спортсмены самостоятельно ведут учет своих достижений. При поездке на слеты юных спринтеров или очные соревнования, организуемые нашей школой, карточку надо брать с собой.

ВРАЧИ НА СТАРТЕ

Рассказывает врач сборной Советского Союза
Григорий Петрович Воробьев

Очередные летние Олимпийские игры назначены на октябрь 1968 года. До отъезда в Мексику еще два года. «Еще целых два года», — говорят болельщики. «Всего два», — думаем мы, спортивные врачи.

Недавно рекордсмен мира на длинные дистанции австралиец Рональд Кларк заявил о своем намерении не ездить на игры в столицу Мексики. Кларк с трудом привыкает к условиям высокогорья, и чтобы «обжиться», ему потребуется не менее трех месяцев. «А у меня нет денег для столь долгой подготовки», — сказал Кларк.

Мехико расположен на высоте 2278 метров над уровнем моря. Там воздух заметно разрежен, и, значит, кислорода для дыхания не хватает. Знаете, как альпинисты приучают себя к такой необычной среде? Сначала на небольших высотах, причем ходят медленно, избегая делать резкие движения. Потом забираются выше, выше, до 7000, 8000 метров.

А что же в Мехико? Там не так высоко, но ведь и собираются не альпинисты, специально тренированные, а резвые бегуны, прыгуны. Эти виды спорта невозможны без стремительных движений и, значит, усиленного дыхания. Чтобы победить в этих новых условиях, их надо прежде всего хорошо изучить. Вот почему задолго до игр врачи и ученые разных стран начали свои научные «состязания».

Первый раз мы поехали в Мехико в октябре прошлого года на «предолимпийскую» неделю, в то самое время по сезону, когда будут проходить Олимпийские встречи. Спортсмены соревновались, а врачи, их было, пожалуй, даже больше, чем спортсменов, изучали

условия мексиканской столицы. Главный вопрос — как после напряженной работы восстановятся силы спортсменов, сколько дней нужно прожить в Мехико, чтобы привыкнуть к местному климату, акклиматизироваться?

Несколько раз в день, утром и вечером, до соревнований и после, во время тренировок мы измеряли у спортсменов частоту дыхания, пульс, кровяное давление. В первые дни ребята чувствовали себя неважно. Пульс и дыхание чаще, чем всегда, кровяное давление выше, чем обычно, спали плохо. Потом, постепенно, стали чувствовать себя лучше.

От разреженного воздуха ухудшается выносливость. Сила и быстрота тоже изменяются, но не так заметно. Утешение? Да, хотя, пожалуй, только для штангистов, стрелков, прыгунов, метателей и бегунов на короткие дистанции. Всем

же остальным будет тяжело. Хотя привыкнуть можно. Наши врачи выяснили, что улучшение состояния спортсменов — акклиматизация — наступает на 9-11 день пребывания в Мехико. И все же достигнуть настоящей спортивной формы, как в обычных условиях, не удастся.

Некоторые врачи других стран считают, что приезжать в Мехико надо раньше — дней за двадцать. А Кларку, как видите, требуется даже три месяца...

Известно, что американские пловцы пока сильнее наших. Но американская школа плавания характерна частыми гребками и редким дыханием. А это для Мехико уже недостаток. Там, где кислорода мало и воздух разрежен, выгоднее дышать чаще. Американские тренеры поняли: надо переучивать пловцов.

Наши ученые намерены проверить «переучивание» на бегунах. Если обычно бегун делает вдох на четыре шага, то мы собираемся научить его дышать на три шага. Возможно, это повысит результат.

Спортсмен, который будет выступать в Мехико, должен обладать идеальным здоровьем, идеальным во всех отношениях. Как у космонавта. В высокогорном Мехико каждая мелочь даст о себе знать.

У нас в сборной страны по легкой атлетике и сейчас почти никто не курит. Но исключения все же есть. А к началу игр их не должно оставаться. Или еще помеха — большой зуб. И он может ухудшить результат.

В столице Мексики немало и других неблагоприятных условий. Воздух в Мехико отрав-

лен дымом заводов, фабрик, выхлопными газами автомобилей. Этот «смог» — смесь вредных газов и дыма — вызывает во рту сухость. Человек постоянно испытывает жажду. А вода здесь плохая, ее не подвергают столь тщательной очистке, как у нас. Человек может заболеть... просто от плохой воды.

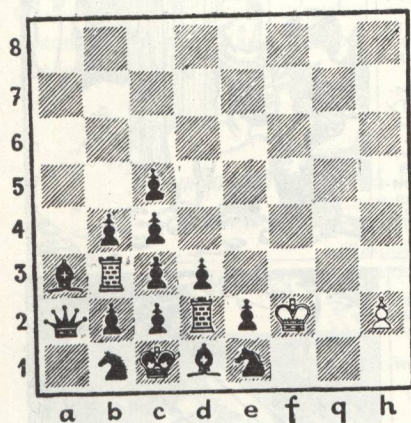
Поэтому на «предолимпийскую неделю» этого года поедут и врачи-гигиенисты. Они постараются найти способ избежать вредных влияний.

Но случается и так: кажется, где, как не в велосипедном спорте, нужна выносливость? В гонке на 100 километров, например. Но почему же результаты велосипедистов в Мехико оказались лучше, чем на равнинных дорогах? При больших скоростях особое значение имеет встречное сопротивление воздуха, в высокогорной местности оно всегда меньше. Это же и у конькобежцев: их результаты на высокогорных катках всегда лучше, чем на равнинных.

В Мехико почти у всех ребят было подавленное настроение. Чем это объяснить? Во многих странах мира мы не испытывали такого острого желания вернуться домой, как это было с нами здесь. К Олимпийским играм придется готовиться и психологически. Позаботиться не только о тренировках, питании, сне, но и о веселье, бодрости, хорошем настроении.

Спортсмены ждут нашей помощи, и мы постараемся им помочь. Помочь победить.

ПАРТИЯ С РОБОТОМ

Я расставил шахматы и сообщил Роботу положение фигур.

— Уточните, — сказал он. — У черных все фигуры, у белых только король и пешка. Бессмыслица. Белым нужно сдать.

— Робик, все правильно. Мои — черные, твои — белые. Начинай.

— Я не согласен играть белыми. Неравные начальные условия.

— Робик, подумай. Ведь черным почти некуда ходить! Здесь белые должны выиграть.

— Тогда я согласен играть белыми, — произнес Робот. — Беру коня — I. Kрf2: e1. Даровому коню в зубы не смотрят.

— Робик, ты молодец! Играю I... Фа2 — a1. А знаешь пословицу «Поспешишь — людей насмешишь»? — Это — бессмыслица. Играю 2. h2 — h4.

Так мы сделали ходы — 2... Фа1 — a2 3. h4 — h5 Фа2 — a1 4. h5 — h6 Фа1 — a2 5. h6 — h7 Фа2 — a1 6. h7 — h8.

— Превращаю пешку в ферзя, — заявил тут Робот.

6... Фа1 — a2 7. Фh8 — f8 Фа2 — a1 8. Фf8: c5 Фа1 — a2 9. Фc5: c4 Фа2 — a1 10. Фc4: b3 Фа1 — a2 11. Фb3: a2 b4 — b3 12. Фа2: b3 Са3 — d6. Здесь Робик, защищаясь от угрозы мата, сыграл 13. Фb3 — g8, а я — Kb1 — a3 и быстро выиграл. Как всегда, Робот забормотал:

— Если бы я не взял ладью на b3, вы бы ходили только ферзем на a1 и a2... Была бы ничья... Мне не надо было брать ладью на b3... Переиграем?

— Робик, ты прав. Но подумай еще.

— Если бы я не взял ладью на b3, — начал опять Робот, и вдруг что-то в его голове сработало, и ход его мыслей изменился. — Если бы я взял ладью на b3 конем, вам был бы мат... Но у меня не было коня... Я мог бы иметь коня, если бы превратил пешку в коня... Надо было превратить пешку в коня... Переиграем?

Мы разыграли эту позицию снова. Робик пошел 1. Kрf2: e1, я — Фа2 — a1. Он — 2. h2 — h4, я — Фа1 — a2. Затем он на шестом ходу превратил пешку в коня. Игра продолжалась так: 6... Фа1 — a2 7. Kh8 — f7 Фа2 — a1 8. Kf7 — d6 Фа1 — a2 9. Kd6: c4 Фа2 — a1 10. Kc4 — a5 Фа1 — a2. Ферзь вовремя защитил ладью! 11. Ka5 — b7 Фа2 — a1 12. Kb7: c5 Фа1 — a2. Опять в момент нападения на ладью ферзь пошел на a2 и защитил ее. После 13. Kc5 — e6 Фа2 — a1 14. Ke6 — d4 Фа1 — a2 мы согласились на ничью. И снова Робик занялся «самокритикой»:

— Надо напасть на ладью, когда ферзь должен уйти на a1... Тогда конь возьмет ладью и — мат... Ферзь должен уходить на a1 при нечетных ходах... Значит, надо напасть на

ладью нечетным ходом... Мой конь все время нападал четным ходом, а надо было нечетным... Надо нечетным...

И вдруг я услышал:

— Переиграем?

Выиграв, он сказал:

— Поспешишь — людей насмешишь.

А вот каким образом Робик связал пословицу с нашей позицией, это вам покажет решение. Когда найдете его — пришлите нам.

«ОБРЫВОК СТАРИННОЙ РУКОПИСИ»

Ответ на задачу, помещенную в № 3

Мат в три хода старик объявил следующим образом: 1. e7 — e8 — C1 d6 — d5 2. Kрb7 — c6 d5: e4 3. Ce8 — d7X.

Мат в четыре хода тоже возможен. Тогда белым играть нужно так: 1. e7 — e8 — K! Kрe6 — d7 (или d6 — d5 — все равно) 2. Ke8 — g7 d6 — d5 3. e4 — e5 d5 — d4 4. e5 — e6X.

Раньше других правильные решения прислали:

Володя Гримальский (Москва), Володя Забран (Москва), Саша Гаврилов (Добрянка), Сережа Мелкумян (Ереван), Женя Ваулин (Колобовка), Володя Чугунов (Кизел), Фима Короткин (Свердловск), Сережа Долинский (Ташкент), Эдик Аардма (Норильск), Лева Мосягин (Шарья), Саша Казанкин (Баку), Коля Тарарин (пос. Северный), Владик Кузнецов (Пенза), Витя Волкомор (Николаев), Роза и Арик Ахмедшины, (Усть-Каменогорск), Виктор Серопол (Воронеж), Леня Левченко (Харьцызск).

Уралан приходит на помощь — 5

Гидросамолет плавно опустился.
— Так вы и есть Иван Иванович?
— Теперь вы им станете. В сумке все: паспорт, деньги... А я снова стану влюблюсь джонсом.

Все мужчины поменялись ролями.
— Еще вопрос: старик не подведет?
— Я ему верю как самому себе. Все будет как надо. Good bye!

Лишь только Фрон Хорст и Конрад ушли, Сева вскочил. Маша крепко спала. Мальчик с трудом ее разбудил.

— Машук, вставай. Бежим! Ты с ума сошел. Завтра к консулу.
— Вранье! Видела у толстого телеграмму? А потом в машине — я понял их разговор. И понимаешь: мы заложники.

— Пошли!
Что дверь была заперта.

— Пожарная лестница... Рви простыню, обвяжешься. Главное, вниз не смотреть: сможешь?
— Смо... смогу!

Звезды уже начали бледнеть.
— Нам нужно найти порт... Может, там есть какой-нибудь наш корабль... Я спрашивал, но меня не понимают.

А ребята все бежали по лабиринту улиц и переулков огромного города.

Фрон Хорст вернулся в гостиницу во втором часу. Заглянул в комнату ребят...

— Змееныши! Не испугались шестого этажа. — Хорст подбежал к телефону, набрал номер. — Кини Ложиза Лижасбе. Нотрове, сяют-растаго тинай ихсво. Тезуйнигаор куслеж редпе миствательвиста-пред, у нивага. Юда тымегри...

— Вы руски карашо?
— Ох, дяденька, вы говорите по-нашему!
— Мала-мала понимала. Когда была молоддой, хадыла одаса, хэрсон, туапсэ. Руски якши, карашо таварыш.
— Дяденька, нам нужен порт. Русский корабль.
— Порт? Руски кораб?.. Есть кораб «Батум». Давая я показала.

В этот предрассветный час порт был пустынен. Лишь два человека стояли недалеко от «Батуми».

— Куда? Здесь шататься запрещено. Простите, эфенди. Эти дети заблудились. Я их только отведу на «Батум».
— Джим, это они. Хватай малышек и давай в машину!

— Звери, что вы делаете?!
— Отскакивай, чертова калоша!

Виллис скрылся... Из разбитого виска старика медленно стекала тонкая струйка крови...

Урок
всего искусства

МИСС ДЖОНС МЕНЯЕТ ВЫВЕСКУ

Известный польский пианист и композитор Ян Падеревский во время гастролей по Америке оказался в маленьком городке на Среднем Западе страны. Он шел по пыльной улице и вдруг из окна какого-то дома до него донеслись знакомые звуки. Играла Шопена. Но играли так плохо, так

фальшиво, что Падеревский не стерпел и решил посмотреть на бездарного исполнителя. Он подошел к калитке и прочитал объявление: «Мисс Джонс. Уроки игры на фортепьяно. 50 центов».

Играла сама мисс Джонс. Падеревский представился и попросил разрешения сыграть ноктюрн так, как, по его мнению, следовало. Хозяйка дома с радостью позволила ему сделать это. Около получаса играл польский пианист произведения своего великого земляка. Мисс Джонс слушала его с благоговением...

Примерно годом позже Падеревский проездом оказался в том же городке. Проходя тою же улицей, он снова услышал отвратительную игру своей случайной знакомой. Он горько усмехнулся и подумал, что его урок, очевидно, нисколько не помог мисс Джонс. Однако, проходя мимо калитки, он увидел новую вывеску: «Мисс Джонс (ученица Падеревского), уроки игры на фортепьяно. 1 доллар и 50 центов».

Должности собак

За 10 000 лет дружбы человека с собакой собаки выполняли для своих двуногих друзей самую разную работу: охотились, нянчили (даже выкармливали) детей, стерегли скот, охраняли дома и государственные границы, служили пожарниками, санитарями, спасателями, поводырями, сыщиками, цирковыми артистами.

Много лет через франко-бельгийскую границу проносил под своей косматой шерстью запретные товары пес-контрабандист по кличке Дьявол. Он был неуловим для полиции — перед каждым новым путешествием Дьявола хозяева его перекаршивали.

Когда в Уэльсе (Великобритания) развелось столько овец, что их стада стали мешать движению поездов, железнодорожная компания стала принимать на работу собак. Они легко приучались сгонять овец с железнодорожного полотна и с удовольствием выполняли свои обязанности.

Среди лиц, удостоенных звания «Инструктор по правилам уличного движения» в американском городе Филадельфия, — терьер Хи-Хи. Хи-Хи добросовестно дежурит на своем участке. Переводит через дороги детей и инвалидов, строго наказывает нарушителей.

КОСТЯ ТЕРКИН-МАТЕМАТИК ПРЕДЛАГАЕТ РЕШИТЬ ТРИ ЗАДАЧИ

Первая.

Напишите тремя одинаковыми цифрами число 30.

Например, так: $5 \times 5 + 5 = 30$.

Вторая.

Напишите число 100 четырьмя, пятью, шестью и еще большим числом одной и той же цифры.

Например: $9 \times 9 + 9 + 9 = 100$.

Интересными решениями Костя считает те, которые требуют меньше цифр. Например: $111 - 11 = 100$.

Третья.

Напишите четырьмя семерками все числа до десяти и 10.

Не забудьте, что $7^0 = 1$ и, значит, восьмерку можно изобразить так: $8 = 7 + 7^{7-7}$.

Ждем ваших ответов!

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В № 4

Ответ на первую задачу: отцу 44 года, сыну 22.

Ответ на вторую: 26 яблок. 9 мальчиков.

На эту задачу было прислано слишком мало правильных ответов. Костя огорчен этим и разясняет, как поделить яблоки между ребятами:

«Когда каждый мальчик получит по 2 яблока, останется 8. Из этих восьми яблок можно восьмерым дать по одному в добавление к имеющимся двум яблокам. У восьми мальчиков станет по три яблока. Больше не будет мальчиков, получающих по три яблока. Но, по условию, кроме мальчиков, получивших по три яблока, был еще один, получивший только два. Значит, всего: $8 \times 3 + 2 = 26$ и 8 яблок + 1 яблоко = 9».

ИГРА В «ЧЕТЫРЕ»

Сделайте из бумаги или картона 4 красные и 4 синие фишки.

Можно обойтись и другими подходящими предметами, — шашками, пуговицами, монетами.

Играть нужно вдвоем. Расставьте фишки на красных и синих кружках, разыграйте, кому начинать.

Фишки ходят по тонким линиям, соединяющим кружки с рисунками и рисунки между собой. Ходы совершаются поочередно, любой из своих фишек. Передвигать за один ход две или несколько фишек нельзя. Нельзя и пропускать ход.

За один ход можно повинуть фишку на один «шаг» вперед или назад. Нельзя становиться на рисунки или кружки, уже занятые фишками (своими или чужими), нельзя «перепрыгивать» через фишки или сбивать фишки противника. Нельзя ставить фишку на рисунок хотя и «соседний», но не соединенный линией с тем, на котором стоит она.

Если в ходе игры ваша фишка окажется на рисунке, соединенном с одним из кружков противника, то в следующий свой ход вы можете поставить фишку на него... В дальнейшем вы можете покинуть этот кружок, перейдя по одной из отходящих от него линий на соответствующий рисунок игрового поля или на соседний кружок противника (если вам это нужно).

Однако на своих кружках перемещать фишки с одного из них на другой нельзя.

Цель игры заключается в том, чтобы все свои четыре фишки расположить на рисунках, «похожих» друг на друга (цветом; первой буквой названия или количеством букв в нем; принадлежностью либо к животному либо к растительному миру). Кто первый этого достигнет, тот и выигрывает.

Вот десять групп «похожих» рисунков:

1. Абajур, гусь, дом, лодка (все рисунки — желтые).
2. Звезда, катер, краб, мак (красные рисунки).
3. «Аврора», аэростат, машина (автомобиль), ромб (синие).
4. Береза, дуб, ель, лист, сосна (зеленые).
5. Катер, кит, краб, крейсер («Аврора») — первая буква всех названий — К.
6. Абajур, «Аврора», автомобиль, аэростат (первая буква названий — А).
7. Гусь, заяц, краб, лист, ромб, слон (все слова — четырехбуквенные).
8. Дуб, ель, кит, мак, мяч (все слова — трехбуквенные).
9. Береза, дуб, ель, мак, сосна (названия растений).
10. Гусь, заяц, кит, краб, слон (названия животных).

В. Акентьев.

На обложке рисунок В. Голявкина

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двоарковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А 4-57-76.

М-04148

Подписано к печати 18/V 1966 г.

Формат 84×108¹/₁₆.

Печ. л. 8+1.

6,57 усл., 8,8 уч.-изд. л.

Тираж 300 000 экз.

Заказ № 156

Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

